

криминальная мелодрама

Алена ВИНТЕР

Женщина с прошлым,
или В кольце ночных желаний

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!
Читай внутри условия акции-2011!

Алена Винтер

**Женщина с прошлым, или
В кольце ночных желаний**

«ЭКСМО»

2011

Винтер А.

Женщина с прошлым, или В кольце ночных желаний /
А. Винтер — «Эксмо», 2011

Ирина выросла без материнской любви – та считала, что дочь разрушила ее жизнь. Отца девушка не знала, он оставил их задолго до ее рождения. А любимый человек использовал Иру и бросил, женившись на другой... Все изменилось, когда внезапно скончавшийся отец оставил наследство, разделив состояние между Ириной и ее сестрой, которую она никогда не видела. Теперь девушка – богатая наследница, но это вовсе не радует, ведь в ее жизни появился враг и он уверен: незаконная дочь не имеет прав на деньги и акции Егора Азарова. Ирина готова отдать их, лишь бы уцелеть, но кому? Под подозрением все, даже самые близкие люди! Помощь пришла с неожиданной стороны – один из тех, кто преследовал Ирину, вдруг начал оказывать ей знаки внимания...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алена Винтер

Женщина с прошлым, или В кольце ночных желаний

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

– Не знала, что ты интересуешься живописью, – Ирина подошла к картине, стоявшей у стены, и подняла ее. – Красивая.

– Еще бы, – улыбнулась Таисия. – Если бы ты знала, какова ее стоимость, она показалась бы тебе еще привлекательнее. Но меня не это в ней заинтриговало, – она остановилась рядом с Ириной и провела пальцами по ярким мазкам.

– Мне больше нравятся морские пейзажи, – сказала Ирина. – По крайней мере, на них редко можно увидеть людей. Здесь же изображена толпа. Создается такое впечатление, что им там не хватает воздуха.

Она поставила картину на место, отступила на несколько шагов и пристально вгляделась в маленькие фигурки. Все они собрались около двух мужчин, сидевших в центре за столом, и наблюдали за ходом партии, которую те вели. На дамах были изящные вечерние платья, волосы искусно уложены в сложные прически, а драгоценные камни на их шеях и запястьях ярко переливались в свете ламп. Казалось, что полотно светится изнутри, настолько искусно мастер передал игру света.

Таисия указала пальцем на даму с серебристыми волосами, державшую под руку кавалера, облаченного во фрак.

– Эта особа похожа на меня, – сказала она. – Так же восхитительно прекрасна.

– Поэтому ты купила картину? Чтобы любоваться собой?

– Нет, – покачала головой Таисия, вернулась к столику, на котором стояли напитки, и разлила виски по стаканам. – Меня в ней привлекло другое, – она подала стакан Ирине. – Знаешь, продавец сказал, что это классический сюжет на тему тонкой, требующей незаурядного ума игры. Знаток, видите ли. Какой классический сюжет?!

– Не понимаю. – Ирина сморщила нос, пытаясь определить, что именно возмутило Таисию.

– Естественно, ты же никогда не играла в шахматы.

В голосе Таисии послышались снисходительные нотки, и это рассмешило Ирину.

– О! – воскликнула она. – Столько гордости в тоне, будто ты получила Нобелевскую премию по квантовой физике. Между прочим, на этой планете в шахматы играют миллионы людей, не только ты одна. Так что не хвастайся! Говори, что тебя привлекло?

– Шахматная комбинация. Здесь изображена средневековая мансуба. Точнее, мат Дила-рам.

– Опять ничего не понимаю, – разочарованно покачала головой Ирина.

– Позиция, составленная композитором, – пояснила Таисия. – Так называют людей, которые создают шахматные этюды. Это не похоже на партию, скорее, на положение из партии. Но не забивай себе голову. Подобная информация тебе никогда не понадобится. Хочу подарить картину твоему деду. Она ему понравится.

– Непременно, – согласилась Ирина. – Ты очень внимательна к нему.

– Мне кажется, что твой дед – единственный мужчина, которого я по-настоящему люблю. Ирина рассмеялась:

– Не верю. В твоей жизни столько любви, что я порою удивляюсь, как ты с ней справляешься? Признаюсь, такой влюбчивой особы я еще не встречала.

– Я не влюбчивая, а сильно увлекающаяся. Как будто у тебя крышу от чувств никогда не сносило! Со мной, например, такое случается постоянно.

– Сносило, – Ирина мгновенно стала серьезной. – Из-за того же самого объекта, что и у тебя, – она отпила большой глоток виски, пытаясь унять охватившее ее волнение. – Кстати, как он поживает?

– Каманин? Хорошо.

Таисия остановилась в центре комнаты и с удивлением посмотрела на подругу. Лицо Ирины говорило о том, что она до сих пор продолжает думать о мужчине, ставшем некогда любовником их обеих, причем в одно и то же время.

– Ты продолжаешь испытывать какие-то чувства к этой скотине?! Он же обвел нас вокруг пальца, как глупых школьниц, а потом бросил и женился на банковском счете!

– Уймись, – подняла руку Ирина. – Не стоит пересказывать эту историю, которая уже набила мне оскомину. И перестань обзывать его. Ты, между прочим, говоришь о своем брате.

– Двоюродном!

– Что не мешало тебе спать с ним, – парировала Ирина и улыбнулась.

– Да, – улыбнулась и Таисия. – Спал он с нами обеими, женился по расчету, но любил только тебя.

– Тем, кого любят, не причиняют боль, – возразила Ирина.

– Я тоже тебя люблю. – Таисия прищурила глаза. – Но это не мешает мне иногда кусаться.

– Ты – другое дело.

– Разве?! Делаешь мне скидку только потому, что я твоя подруга?

Ирина промолчала. Она подумала о Дмитриии Каманине, мужчине, которого любила уже много лет и не могла забыть. Он и Таисия носили одну фамилию, потому что приходились друг другу родственниками. Тесное родство не помешало Дмитрию уложить в постель кузину. Однако если для Таисии эта связь переросла в серьезные чувства, то для Дмитрия она так и осталась просто интрижкой, позволившей ему весело провести время, не более того.

Ирина отчетливо помнила тот день, когда она впервые увидела Каманина. Он прилетел в Лондон по делам фирмы отца, которая теперь принадлежала его тестю. Тем же вечером Таисия представила его подруге, и на следующее утро Ирина уже влюбилась.

– Эй! – Таисия помахала ладонью перед лицом Ирины. – Очнись! Мысленно общаешься с Каманиным? Когда ты видела его в последний раз?

– Больше года тому назад.

– Забудь о нем!

– Уже забыла.

– Лгунья, – улыбнулась Таисия и с нежностью посмотрела на Ирину. – Знаешь, какие слухи ходят по Москве? – Таисия изобразила таинственное лицо. – Говорят, что Виктория, жена Каманина, наставляет рога своему благоверному при каждом удобном случае. Такой аппетит у бабенки, что Мессалина отдыхает! Та еще б...

– У-у, – сморщилась Ирина, – какое некрасивое слово! Не б..., а женщина с богатым прошлым. Это, между прочим, и твоя характеристика, миссис Рихтер.

– Брось! Я – свободная женщина и никого не обманываю. Сплю с тем, с кем желаю.

– Да уж, – вздохнула Ирина, мечтая, чтобы Таисия замолчала, но подруга, похоже, не собиралась останавливаться.

– А теперь расскажи мне, когда ты рассталась со своим... – Таисия задумчиво почесала ногтем кончик носа. – Как же его зовут?! Парень с именем, как название дешевых сигарет...

Не разыгрывай удивление! Мне известно, что такое дешевка. Да-а, – протянула она. – Курила я такую дрянь, когда училась на первом курсе. Сложное было время: я только в Москву переехала, и, чтобы убивать легкие чем-то лучшим, денег не хватало.

Ирина с усмешкой посмотрела на шикарно выглядевшую женщину, рассуждающую о низкопробном табаке.

– Вспомнила! Винстон!

– Винсент, – поправила Ирина. – Мы расстались месяц тому назад.

– А почему я узнаю об этом только сейчас?

– Потому что просто страшно тебе что-либо рассказывать. Ты обрадовалась бы, узнав о том, что я ушла от него. Он же тебя всегда раздражал. Ах, Тая! Во всех моих мужчинах ты видишь одни только недостатки. То некрасив, то беден, то вкус плохой...

– Неправда!

– Правда. Ты так высоко подняла планку, что ни один из ныне живущих на Земле мужчин не способен ее взять.

– Знаешь, из всех твоих бывших мне больше всего нравился Рубен. Веселый малый! Жаль, что денег у него не было. Помнишь, как он бесился, когда мы его называли женским именем? – улыбнулась и продолжила: – Рубен, мать его! И надо же такое придумать – назвать испанца еврейским именем!

– Весьма распространенное имя в Испании, – сказала Ирина. – Да, оно еврейское. Но я не вижу ничего странного в том, что его носит испанец. Я, между прочим, и сама еврейка, а имя у меня греческое.

– Ты еврейка только на четверть, – возразила Таисия. – Единственное, что выдает твою национальность, – это фамилия. Да и то никто не знает, Линдерман ты по рождению или это подарок мужа?

Ирина рассмеялась, понимая, что Таисия указала на то, каким образом она сама получила имя, которым неимоверно гордилась и всячески выставляла напоказ. Теперь уже (с некоторых пор) бывший муж Таисии являлся наследником известной австрийской семьи промышленников, и после развода она не стала менять новую фамилию на девичью, предпочитая называться по-прежнему Таисией Рихтер, а не Таей Каманиной.

В гостиной воцарилось молчание. Ирина облокотилась о мягкую спинку дивана и задумалась, Таисия близко подошла к зеркалу и со странной печалью в глазах всмотрелась в свое отражение. Она рассматривала себя, красивую и одновременно незнакомую, вспоминая о девочке-подростке с оттопыренными ушами и нескладной фигурой. Сейчас Таисия казалась себе на редкость хорошенькой. Невысокая, стройная блондинка с блестящими серыми глазами. Короткие серебристые волосы подчеркивали изящность шеи и зрительно удлинляли ее. Привлекали внимание ее белая кожа, аккуратный носик и яркие губы. Легкая шифоновая блуза делала образ Таи воздушным и романтичным, а туго обтягивающие бедра брюки, наоборот, говорили о дерзости и сексуальности своей хозяйки. Высокие каблуки, темный лак на ногтях, пара дорогих колец и, главное, уверенность и самодостаточность, сквозившие в ее взгляде, словно подтверждали окончательный вердикт о том, что сия дама не придерживается строгих моральных принципов и относится к категории женщин, способных на головокружительные авантюры.

Ирина же, в строгом костюме, с волосами, завязанными в тугий хвост, выглядела как гувернантка в услужении у благородного семейства, явившаяся привлечь к суровому наказанию своих провинившихся подопечных.

– Ты похожа на Мэри Поппинс, – сказала Таисия. – Где твоя метла? Пардон, зонтик?

– А сейчас?

Ирина сбросила пиджак, распустила темные волосы и превратилась в весьма привлекательную особу, не менее грозную, однако более веселую и мягкую, чем в прежнем своем облике – с хвостом.

– Красотка! – констатировала Таисия. – Иди ко мне, я хочу тебя поцеловать.

Обнявшись, подруги долго стояли перед зеркалом, отмечая, насколько они отличаются друг от друга. И эти различия проявлялись не только в их внешности, но, главное, в характерах и жизнях.

– Ты поправилась, – Таисия похлопала Ирину по животу.

– Не придирайся, – улыбнулась Ирина.

– Я так соскучилась по тебе. – Таисия еще крепче обняла подругу и уткнулась носом в ее теплую шею.

– Так останься еще на несколько дней, – с надеждой произнесла Ирина. – Выписывайся из отеля и переезжай ко мне.

– В Брайтон?! Нет!

– Но почему?

– Не хочу нарушать традицию. Кроме того, я не люблю море, тихие улицы и романтические пейзажи. Поэтому и предпочитаю Лондон. Видишь ли, я – типичный урбанист. Обожаю шум за окном, толпы людей и постоянное движение. Но главное, это моя месть за то, что ты отказываешься приезжать в Москву. Пора бы тебе уже перестать обижаться на своего папочку.

Ирина усмехнулась. В страну туманов, Елизаветы II и Джеймса Бонда ее сослал отчим. Эта ссылка должна была продлиться лишь на время ее учебы, а в итоге обернулась вечным изгнанием. За те четырнадцать лет, проведенных Ириной в Великобритании, она бывала в Москве лишь дважды, и то, когда училась в пансионе. А с тех пор, как она поступила в Университет Брайтона, Россия оставалась лишь предметом для разговоров, но никак не местом для встреч с оставшимися на ее территории родственниками Иры. Впрочем, единственным человеком, скучавшим по ней, был ее дед, но с ним они виделись часто, потому что Алексей Лазаревич регулярно прилетал в гости к внучке.

– Мне там нечего делать, – сказала Ирина. – Я уже давно забыла, какая она, Москва. Здесь мой дом. И я ничего не хочу менять.

– Но это нечестно! – вскричала Таисия. – Я трачу огромные деньги на билеты, летая к тебе, а ты у меня ни разу не была. Для чего я тогда купила те чудные апартаменты, если не могу ими похвастаться? Все! Этот визит – последний.

– Не угрожай, – засмеялась Ирина и посмотрела на часы.

– Спешешь?

– Поздно уже. Завтра увидимся. Надеюсь, ты не станешь возражать, если я отвезу тебя в аэропорт?

– Сколько официоза! Нет, я не стану возражать.

– Договорились. Я приеду утром. Позавтракаем вместе, потом устроим прогулку по Лондону. В котором часу у тебя вылет?

– В девять вечера.

– Здорово! – хлопнула в ладони Ирина. – Хорошо, что завтра выходной. Значит, весь день я буду в твоём распоряжении. А сейчас мне пора.

– У тебя дома дети плачут? – деловито поинтересовалась Таисия.

– Нет, – улыбнулась Ирина.

– Тогда оставайся ночевать.

– Тебе известно, что правилами отеля это запрещено.

Таисия подошла к сумочке и достала кошелек.

– Сейчас мы изменим правила, – она помахала стофунтовой купюрой. – А если понадобится, введем новые.

* * *

Дмитрий Каманин откровенно скучал этим вечером, не зная, чем себя занять. Поехать куда-либо, чтобы развеяться, у него не было желания, как, впрочем, и оставаться дома, в этой гнетущей атмосфере молчания и одиночества. Конечно, можно было позвонить одному из приятелей и попроситься в шумную компанию, но это не принесло бы ему ни удовлетворения, ни радости. Настроение было гадким, и Дмитрий не хотел своим кислым видом портить друзьям вечер. Он лениво просматривал журнал, но только для того, чтобы хоть как-то отвлечься от дурных мыслей, и изредка прислушивался к тому, что происходит в соседней комнате. Судя по суетливым движениям, жена куда-то собиралась. Словно подтверждая его предположения, она вышла из спальни, ярко накрашенная и не менее ярко одетая, прошла по комнате, легко постукивая каблукками, и остановилась напротив него.

– Уходишь? – спросил он, бросив на нее быстрый взгляд, и снова уставился в журнал.

– Позже. Сначала я хочу поговорить с тобой, – сказала Виктория и присела в кресло.

Дмитрий отложил журнал в сторону. Виктория скривилась от разочарования, увидев безразличие в его взгляде.

– Господи! – воскликнула она. – Хотя бы раз в жизни сделай вид, что я тебе интересна!

– Зачем? – с усмешкой спросил Дмитрий. – Думаешь, это что-то изменит в наших отношениях? Сомневаюсь. О чем ты хотела поговорить?

– О нас, – Виктория вздохнула. – Вернее, о тебе и обо мне, потому что нас никогда не было.

Дмитрий вновь усмехнулся. Он видел, что Виктория не решается начать разговор. Она всегда производила впечатление уверенной в себе женщины, а сейчас почему-то растерялась. Это его насторожило и вместе с тем развеселило, потому что нечасто ему доводилось видеть жену в таком нервном состоянии.

– Я беременна.

Дмитрий в замешательстве посмотрел ей в глаза.

– Поздравляю, – медленно произнес он и поднялся. – Как я понимаю, это не мой ребенок?

– Ты не ошибся. Отец не ты, – Виктория снова замялась.

– Вот это новость! – он близко подошел к ней. – Не знаю, как реагировать...

– Я хочу развестись.

– Ты совсем рехнулась?!

– Не смей повышать на меня голос, – выдавила она и с испугом дернулась, так как Дмитрий резко прижал ее к себе.

– Солнышко мое, – прошептал он, с силой сдавив пальцами ее шею. – Спи, с кем пожелаешь. Беременной, от кого считаешь нужным. Но никогда не указывай мне, как я должен поступать!

– Не я виновата в том, что случилось! – Виктория вырвалась из его объятий, причинявших ей боль. – Ты сделал меня такой. Из-за твоего безразличия я искала утешения на стороне. Прояви ты хотя бы немного внимания ко мне, я была бы лучшей женой в мире. Теперь не жалуйся.

– Но я не жалуюсь!

– Знаешь, я удивляюсь, почему раньше от тебя не ушла. – Виктория продолжала говорить, не слыша никого, кроме себя. – Наверное, надеялась, что ты все-таки меня полюбишь. Так горько осознавать, что мы оба потеряли столько чудесных лет, гоняясь за призраками! Я хотела любви, ты – денег. Итог неутешителен. Для тебя, во всяком случае.

– Считаешь, мне так страшен развод? – засмеялся Дмитрий. – Наоборот, это огромное облегчение!

– То есть, – огорченно протянула Виктория, – ты не расстроен?

Она упала в кресло и расплакалась:

– Какой же ты...

– Черствый? – подсказал Дмитрий.

– Жестокий, – сквозь слезы произнесла Виктория. – Не понимаю, почему я тебя люблю!

– Все еще любишь? – Дмитрий присел рядом и обхватил жену за плечи. – Но спишь с другими. А я не понимаю – почему все эти годы терпел твои похождения?

Он хотел добавить, что делал это явно не ради их великой любви. Как у всякого мужа, закрывающего глаза на рога, с каждым годом увеличивающиеся в размерах, у него имелись на то свои причины. И главная заключалась в неустойчивости его финансового положения, которая непременно даст о себе знать в случае расторжения брака. Но сейчас этот вопрос волновал Дмитрия меньше всего. Он подумал о тесте, отце Виктории, и о том, как тот поведет себя в этой ситуации.

Дмитрий знал, что Азаров неуважительно относится к нему и считает его тряпкой – за то, что он всегда прощал жене ее многочисленные измены. Лишь однажды он увидел в глазах Азарова уважение, когда, не выдержав очередного многодневного загула супруги, поднял на Викторию руку. Конечно, Егор Викторович разозлился, заметив у дочери синяк на щеке, однако это происшествие повысило акции Дмитрия, который впервые подобающим образом отреагировал на распушенное поведение жены. После того скандала она стала очень осторожной, и о ее похождениях перестали говорить. Но Дмитрий не обольщался, он знал, что порочную натуру Виктории ничто не сможет изменить. И вот теперь она с легкостью сообщает ему, что беременна – в результате очередной интрижки, – да еще и требует развода. Как же ему поступить, чтобы их расставание получилось выгодным для обоих?

– Кто он? – спокойно спросил Дмитрий. – Я его знаю?

Виктория вытерла мокрые щеки и покачала головой.

– Не хочу говорить о нем с тобой, – сказала она. – Не сейчас.

– Тогда уходи, – Дмитрий указал рукой в сторону двери, и Виктория послушно поднялась. – Ты ведь к нему собиралась?

Не сказав ни слова, она быстро вышла из квартиры. Дмитрий раздраженно посмотрел ей вслед и упал на диван, спрятав загоревшееся от ярости лицо в подушку.

– Как не вовремя! – процедил он, ударив кулаком в спинку дивана.

Через час он, уже изрядно пьяный, метался по гостиной с бутылкой виски в руках, с ненавистью выкрикивая ругательства в адрес жены и всей ее семьи. Хотелось забыть о том, что и он тоже принадлежит к клану могущественных Азаровых, жить рядом с которыми – просто невозможно, а уйти – и того сложнее. Наверняка тесть оставит его с голым задом за то, что он не сумел сделать дочь счастливой!

– Чертова дура! – кричал Дмитрий, обращаясь к портрету жены, висевшему на стене.

Внезапно он остановился и рассмеялся. Пьяный смех громкой волной разошелся по комнате.

– Свободен, – горько сказал он себе, поставил бутылку на стол и принялся искать мобильный.

Все, чего ему хотелось в эту минуту, – это поговорить с Ириной. Один-единственный звонок, только для того, чтобы услышать ее голос. Однако женщина не брала трубку. Дмитрий разочарованно посмотрел на светящийся экран телефона и направился в спальню. Нужно выспаться перед юбилеем тестя. Завтра он должен выглядеть свежим и уверенным в себе, чтобы с достоинством смотреть в глаза Азарову, когда тот начнет распекать Дмитрия за предстоящий развод с его дочерью.

* * *

К концу дня, в течение которого они с Таисией исколесили почти весь Лондон, Ирина поняла, что очень устала. Ей надоел шумный город, но еще больше ее утомила деятельная Таисия, которой не сиделось на месте.

– Такое чувство, – жаловалась Ирина, – будто ты видишь Лондон в первый раз. Столько восторгов! Помнится, в детстве ты терпеть его не могла. Все время ворчала, возмущалась. Что же теперь изменилось?

– Раньше я вынуждена была жить здесь, – смеясь, отвечала Таисия. – Причем в самом отстойном районе. Теперь же я приезжаю сюда как королева! Город видит во мне хозяйку, а не жалкую эмигрантку. И это ощущение мне нравится.

– Королева содержанок. – Ирина отвесила театральный поклон.

– И что из этого? – Таисия нисколько не смутилась. – Поклонение мужчин доставляет мне огромное удовольствие.

– В особенности если они хорошо платят при этом.

– Ира, платят проституткам. – Таисия ущипнула подругу за бок, отчего та громко вскрикнула, напугав прохожих. – Мне же делают подарки.

– Не вижу разницы.

– Разница в отношении, – Таисия вежливо улыбнулась швейцару, открывшему перед ней дверь.

Она гордо продефилировала по холлу, всем своим видом демонстрируя принадлежность к касте женщин, мимо которых невозможно пройти, не обратив на них внимания. Ирина тихо рассмеялась, потому что люди действительно замирали при виде восхитительной госпожи Рихтер. Сама Ирина, несмотря на свою приятную внешность, не могла похвастаться подобным умением привлекать к себе мужчин, и способность подруги выделяться в толпе производила на нее неизгладимое впечатление.

В номере Ирина с облегчением сбросила туфли и устало опустилась в кресло. Но тут же недовольно привстала, вынув из-под себя больно впившуюся в бедро книгу.

– Сага о кровососущей нечисти?! – воскликнула она, рассматривая обложку.

– Между прочим, интересно!

– Еще бы, – рассмеялась Ирина. – Увлекательный опус для малолетних идиоток. Главный герой – просто сказка: красив, силен, богат, сексуален. Но, что самое важное, – умен и интересен. Мозг взрывается от такого совершенства.

– Что хочу, то и читаю. – Таисия пристроилась на подлокотнике кресла. – Не смейся, но я уже давно подсела на эту хрень. Даже все фильмы о кровососах пересмотрела. Затягивает неизменно.

Ирина рассмеялась еще громче:

– Тая, ты меня поражаешь!

– Всем хочется любви, такой же возвышенной, как в этих книгах. И тебе, не так ли?

Ирина отложила книгу в сторону и с тоской посмотрела на Таисию.

– Думаешь о вчерашнем звонке Каманина? – со злостью спросила Таисия. – Хорошо, что я не позволила тебе ответить! Неизвестно, чем это закончилось бы. Как всегда, запутал бы он тебя, а ты...

Ирина не слушала подругу. Она воскресила в памяти тот момент, когда бежала к Дмитрию с надеждой – услышать долгожданные слова о том, что он уходит от жены. Но он прилетел в Лондон лишь для того, чтобы оформить какую-то сделку, я заодно – развлечься. И Ирина показала ему наилучшим вариантом для получения удовольствия. Одним звонком он пода-

рил ей надежду о счастливом совместном будущем и так же легко все оборвал, просто сказав: «Ты потрясающая. Люблю тебя. Увидимся, когда я в следующий раз окажусь в Лондоне».

– Сукин сын! – продолжала бушевать Таисия. – Никак не может оставить тебя в покое! Интересно, что ему было нужно?

– Ты же не дала ему возможности сказать.

Ирина подошла к окну и посмотрела на оживленную улицу.

– Приеду в Москву, – пообещала Таисия, – найду его и...

– Убьешь?

– Может быть, – весело сказала Таисия и побежала в спальню. – Пора собирать чемоданы.

Оставшись одна в комнате, Ирина с облегчением вздохнула, достала из сумочки телефон и набрала нужный номер. Прозвучало несколько гудков, и ей ответили.

– Поздравляю с днем рождения. Получил мой подарок? – она услышала в трубке радостный голос. – Рада, что тебе понравилось. Люблю тебя.

Закончив разговор, Ирина направилась в соседнюю комнату, к Таисии, но внезапно остановилась. Тревога – внезапно, какой-то щемящей тоской – разлилась в воздухе, заставив Ирину поежиться, словно от холода. Она осмотрелась, пытаясь определить, что ее так напугало или насторожило. В гостиной ничто не изменилось. По крайней мере, она была такой же, что и несколько минут назад. Высокие окна, сквозь которые проглядывало уже темнеющее небо, белые стены, огромное зеркало... Ирина передернула плечами. Ей показалось, что кто-то стоит за ее спиной и тяжело дышит в шею. К счастью, за ней была пустота, только лампы ярко светили прямо в глаза. Подгоняемая странным ощущением чьего-то незримого присутствия, Ирина выбежала из комнаты. У входа в спальню она остановилась и перевела дыхание.

– Что с тобой? – с удивлением спросила Таисия, увидев ее, испуганную и взъерошенную.

Ирина обернулась. Как и следовало ожидать, за спиной у нее никого не было, однако оттуда исходило нечто, что нельзя было увидеть, можно было лишь почувствовать. Некое ощущение, которое сложно с чем-либо перепутать: непонятная смесь страха и угрозы.

– Черт бы тебя побрал с твоими кровососами! – крикнула она. – Наговорила всякой чепухи! Я уже боюсь одна в комнате оставаться.

– Расслабься. – Таисия бросила в Ирину подушкой. – Вампиры не живут в Лондоне. Их всех переселили в Америку, потому что там климат лучше и народ толще!

Глава 2

– И я люблю тебя. До встречи.

Азаров отложил телефон в сторону, сложил руки перед собой и наклонился к столу. Он почувствовал крайнюю усталость, словно сковавшую все его тело изнутри. Сердце протяжно застонало, дыхание перехватило. Азаров пошевелил занемевшими плечами и глубоко вдохнул, пытаясь унять боль в груди. «Только не сегодня. Не сейчас», – подумал он.

Выходить из кабинета не хотелось. Он продолжал сидеть в кресле, уговаривая тело мобилизоваться и перестать тревожить его ложными позывами о недомогании. Подобным поведением сердце всегда сообщало ему о приближении наиболее важных событий в его жизни. В молодости Азаров не прислушивался к нему, отменяя прочь глупые предчувствия, за что всегда бывал наказан. Стоило ему отмахнуться, как закручивались некие обстоятельства, сводившие к нулю всю его работу или вносившие раздоры и конфликты в его размеренную, состоявшуюся жизнь. Теперь, пребывая в самом расцвете сил, на пике могущества, Азаров тщательно следил за внутренней настройкой своего организма, и если тот сообщал ему о надвигающихся переменах, мужчина принимал меры, чтобы оказаться к ним готовым. Люди называют это ощущение шестым чувством. Егор Азаров, человек, далекий от мистицизма, всегда рационально оценивавший окружающий его мир и делавший вполне обоснованные выводы, предпочитал другое выражение. «Неполадками в двигателе» называл он эти тянущие боли в груди, никогда не задумываясь над тем, почему они начинаются именно перед тем, когда в его жизни вскоре произойдут события, кардинально изменяющие эту жизнь. Это было сложно объяснить, даже невозможно, поэтому он и не утруждал себя проблемой вникания в суть того, чего не понимал, но с благодарностью это использовал, вовремя реагируя на тревожные звонки.

Внутренняя дрожь все не унималась. Азаров прошелся по комнате. Провел мимолетным взглядом по шкафам, по полкам, уставленным книгами, которые никто не читал, осмотрел картины с морскими пейзажами, наводившими на него тоску, и оперся о массивный стол, за которым невозможно было работать – из-за его неудобства. Азаров не любил это место. Ни кабинет, ни дом в целом не были для него родными. Много лет тому назад он купил почти разрушенную усадьбу, находившуюся в живописном месте, недалеко от Москвы, лишь для того, чтобы найти занятие скучавшей от безделья жене. Она и превратила дом в музей восемнадцатого века, жить в котором ему совершенно не хотелось. Впрочем, только Азаров чувствовал себя в нем чужим. Жена и дочь обожали особняк эпохи барокко с его вычурной роскошью. Он же предпочитал свою московскую квартиру. Никаких гобеленов на стенах, зеркал в золоченых рамах, уродливых ваз с растительным орнаментом в его квартире не было. Много света, воздуха, минимум мебели и аксессуаров – таким было условие, поставленное им дизайнеру. И тот прекрасно справился с задачей, подарив Азарову дом, где чувствовалась легкость и куда всегда хотелось возвращаться.

Азаров вспомнил кровать в комнате жены, украшенную балдахин, со струящимися до пола покрывалами, и усмехнулся. Нет, как только праздник закончится, он уедет к себе и еще долго не вернется в эту раздражающую его атмосферу! Если бы не юбилей, он вообще сюда не приезжал бы. Однако отмечать день рождения в ресторане не хотелось, поэтому Азаров и принял предложение жены – собрать друзей недалеко от Москвы, в месте, которое, к его удивлению, приводило многих в восхищение. Глядя на их восторженные лица, он с сожалением думал о том, насколько ухудшился вкус у его сограждан. Показное великолепие привлекало людей больше, нежели лаконичные формы и простота.

На пороге кабинета появилась жена и укоризненно покачала головой.

– Егор, не стоит оставлять гостей, – сказала она.

– Думаешь, мое отсутствие заметили?

– Думаю, что ты – хозяин этого праздника, поэтому не имеешь права исчезать надолго. Люди пришли сюда не для того, чтобы развлекаться в одиночестве.

– Хорошо, Мария, я сейчас выйду из своего убежища, – он отвесил манерный поклон супруге, вдруг отчетливо осознав причины ее недовольства. – Как долго ты стояла под дверью?

– Ровно столько, чтобы услышать то, что следовало послушать, – со злостью ответила она.

– Ты подслушивала! – рассмеялся Азаров. – В твои-то годы заниматься подобными глупостями!

– Ты тоже не в том возрасте, чтобы демонстрировать удальство. Тем более так нагло и открыто. – Жена брезгливо поджала губы. – На ночь, насколько я поняла, ты не останешься?

– Не останусь, – подтвердил он. – Надеюсь, без обид?

– Я уже давно на тебя не обижаюсь.

Азаров пошел к собравшимся в огромной гостиной гостям, жена шла рядом.

– Раз между нами нет непонимания, – он близко наклонился к ней, – может, мы наконец расставим все точки над *i*?

– Здесь и сейчас? В присутствии стольких свидетелей? – Она остановилась и обвела взглядом присутствующих. – Если ты считаешь, что поступаешь правильно, то я не возражаю. Я всегда уступала твоим желаниям. Начинай. Всем будет интересно послушать!

Азаров усмехнулся. Глаза его жестко заблестели, заставив жену отпрянуть в сторону. Мгновенно справившись с собой, он взял с подноса подошедшего к нему официанта бокал шампанского и, улыбаясь, повернулся к гостям.

– Господа, – громко сказал он. – Благодарю всех вас за то, что вы нашли время почтить нас своим вниманием. Мне безмерно приятно видеть вас, самых близких и преданных мне людей, в этом доме. Спасибо. Хочу произнести тост! Предлагаю выпить за молодых и красивых! Раньше я тоже был молодым и красивым. Теперь я только красивый.

Раздался дружный смех, послышались легкие хлопки и поздравления. Гости подняли бокалы за юбиляра. Азаров отошел в сторону и посмотрел в сад. Мысленно он уже покинул пределы комнаты, и лишь ему одному было известно, где он мысленно находится в данную минуту.

– Марта, что происходит?

К жене Азарова подошел мужчина невысокого роста и заботливо взгляделся в ее расстроенное лицо.

– Жорочка, – она в отчаянии схватила его за руку, – все, конец! Мне кажется, уже завтра Егор предложит мне развестись! Я чувствую это... Он почти сказал, что хочет развода!

– Успокойся, – мужчина нежно сжал пальцы собеседницы. – Никто не разводится в шестьдесят лет, после тридцати лет брака. В этом нет смысла.

– Он стал чужим, – не унималась она. – Не пускает меня в свой дом, в свою жизнь. Закрылся, будто находится в непробиваемом панцире. Жора, тебе, как никому другому, известно, какие у нас отношения. И ты знаешь, что я не ошибаюсь. Вот ответь мне: сколько раз мы с мужем виделись в последние месяцы? Трижды! Сейчас, на дне рождения дочери, и еще раз – когда случайно столкнулись в ресторане, где он обедал с Дмитрием.

– Марта...

– Марта! – перебила она его. – Егору никогда не нравилось это имя. Мария, вот как он называл меня все годы нашего брака. Мария! О господи! Как я ненавижу, когда он обращается ко мне, употребляя чужое имя! Я устала. Устала от одиночества. Хочу, чтобы все это прекратилось!

– Марта, – настойчиво повторил он, – говори тише.

– Мне все равно! Пусть слышат! Всем известно о том, что я уже много лет назад перестала быть его женой.

– Прекрати истерику, – прошипел мужчина и, взяв Марту под локоть, отвел ее к окну. – Никто и не догадывается, что вы живете раздельно.

– Он с кем-то говорил по телефону, в любви объяснялся, – горько проговорила она. – Ты знаешь, с кем?

– Мы не мальчики, которым необходимо делиться друг с другом такими секретами, – сказал Георгий, с жалостью оглядев жену своего лучшего друга. – Ну, успокойся, – он ласково провел пальцами по ее руке. – Улыбнись. У тебя такая красивая улыбка. Не надо показывать другим свою печаль. Марта, ты слышишь?

– Слышу, – она улыбнулась сквозь слезы. – Что бы я делала без тебя? Ты – моя опора. Не Егор, а ты!

Она поискала глазами мужа и увидела, что он пристально разглядывает их обоих. Георгий поднял бокал и кивнул, показывая, что заметил его взгляд. Марта же демонстративно отвернулась и направилась к гостям – выслушивать льстивые поздравления и слова благодарности.

Георгий подошел к Азарову.

– Что, Егорка, веселишься? – с иронией спросил он.

– Естественно. Мария уже тебе нажаловалась на меня? И верный рыцарь прискакал защищать честь дамы своего сердца?

Георгий в притворной обиде надул щеки и стал похож на юнца, которого бранят за непослушание. Он был ниже Азарова на целую голову, но старался держаться с достоинством, призывным скрыть его маленький рост. И все же положение, в котором ему приходилось смотреть на друга снизу вверх, показалось ему смешным, и тогда он качнулся вперед и привстал на носки.

– Отчего греки такие маленькие? – вдруг спросил Азаров.

– Потому что весь их рост ушел сюда, – хмыкнул Георгий и повернулся в профиль.

С гордостью продемонстрировав Азарову длину своего носа, он тряхнул головой, заставив свои длинные белые волосы взметнуться в воздухе. Азаров поймал тонкую прядку его волос и задумчиво потеревил в пальцах.

– Аполлон-пензионер, – сказал он. – Так и тянет взять в руки ножницы и отрезать к чертям это богатство.

– Если тебе станет от этого легче, то – вперед, на баррикады!

Азаров отпустил его волосы:

– С чего ты взял, что у меня дурное настроение?

– Марте так показалось, – ответил Георгий. – Твоя жена думает, что ты желаешь развода. Это так?

Азаров утвердительно кивнул.

– Она же младше тебя в два раза! Если не в три. Егор, очнись! Марта была твоим верным союзником все эти годы, поддерживала тебя, когда ты поднимался вверх, ничего не требовала, закрывала глаза на твои интрижки. Что ты делаешь? Меняешь ее на симпатичную девку? Это несерьезно.

– Не становись в позу, Жора. Я уже все обдумал. Интересы Марты не пострадают, обещаю. Ты ведь об этом заботишься?

– Подумай еще раз, – сказал Георгий, – потому что твой развод не пройдет незамеченным. Вся Москва примет участие в этом грандиозном скандале. Сплетни, перешептывания у тебя за спиной, косые взгляды и гадкие смешки – вот что ожидает тебя впереди. Тебе это нужно? Чем твоя новая жизнь будет отличаться от нынешней? Что изменится? Ничего. Твой статус, и только. В новую жизнь не перейти со старыми болячками.

– Я устал от лжи, – просто ответил Азаров.

Георгий не нашел ответа. Уж слишком честными и горькими были эти слова. Он с разочарованием вздохнул и уперся взглядом в спину Дмитрия Каманина. Поняв, что их разговор подслушивали, он криво усмехнулся и сказал Егору:

– Завтра все обсудим.

Он быстро направился к Марте, по дороге хлопнув Дмитрия по плечу, показывая, что ему все известно о его остром слухе. «Серьезные беседы следует вести за толстыми стенами. Тогда не придется потом корить себя за то, что предмет разговора стал известен третьему лицу», – подумал Дмитрий и подошел к тестю, прихватив для него бокал с выпивкой.

– Мечтаете, чтобы вечер поскорее закончился?

– Ненавижу такие мероприятия, – Азаров взял бокал в руки. – Спасибо. Сам-то как? Скучаешь?

– Да где уж тут. Думал, отдохну – не получилось. Устал от разговоров о бизнесе, о моих планах и тому подобном.

– Привыкай, Дмитрий. В нашем деле не бывает выходных дней.

– С этим сложно смириться, – улыбнулся Каманин. – Признаюсь, Егор Викторович, что я слышал ваш разговор с Георгием. Извиняться не стану.

– И не нужно, – Егор положил Дмитрию руку на плечо и крепко сжал его. – Попрошу тебя молчать об услышанном. Как у вас с Викторией дела?

Значит, Виктория еще не сказала отцу о том, что они собираются развестись. Дмитрий также решил промолчать.

– С переменным успехом, – уклончиво ответил он.

Мягкие руки обняли его за плечи. Он повернулся и заключил жену в объятия.

– Ты потрясающе красива! – Азаров с восхищением оглядел дочь.

Виктория действительно постаралась на славу, готовясь к празднику. В свои тридцать лет она выглядела гораздо моложе, чем привлекала юных кавалеров, которых у нее имелось великое множество. Ухоженное лицо с чудесными серыми глазами было открытым и по-детски наивным. Темные волосы легкой волной лежали на хрупких плечах, а кожа была настолько светлой, что казалась прозрачной. Кукольная внешность в сочетании с соблазнительным телом создавали непревзойденный эффект. Количество мужчин, желавших оказаться в ее постели, увеличивалось с каждым годом, еще раз подтверждая тот факт, что не зря Викторию называют одной из самых красивых женщин столицы.

– Папа, – мягко взглянула она отцу в глаза, – не возражаешь, если я украду у тебя мужа?

– Забирай свое сокровище, – Азаров поцеловал Викторию в висок.

Дмитрий разочарованно глядел на то, как он затерялся в толпе гостей.

– Постараюсь не отнять у тебя много времени, – сказала Виктория, отодвинувшись в сторону. – Надеюсь, ты не проговорился отцу? Не стоит портить ему настроение в день рождения.

– Не беспокойся, – ответил Дмитрий.

– Спасибо за понимание. Я поговорю с ним и с мамой завтра. А потом мы встретимся с юристами. Обещаю, твои интересы не пострадают.

Дмитрий криво усмехнулся, потому что уже слышал эту фразу – сегодня, только что. Похоже, Азаровы – мастера давать подобные обещания.

Виктория вдруг обняла его и легко прикоснулась ртом к его губам.

– Прощальный поцелуй?

– Расценивай, как хочешь, – на ходу бросила она.

Дмитрий едва слышно выругался. Смешно получается: зять и теща примутся одновременно паковать чемоданы! Невидящим взглядом он осмотрел веселившихся людей, схватил со стола бутылку виски и под громкие звуки музыки вышел из дома, намереваясь до бесчувствия отметить новый этап в своей жизни.

* * *

Больше всего человек сожалеет о потерянных возможностях. Как говорится, лучше сделать и ошибиться, чем не сделать и всю жизнь мучиться от последствий своей нерешительности. Лишь однажды, в далекой молодости, Азаров проявил слабость, которая теперь мертвым грузом лежала на его плечах. Если бы тогда он поступил так, как хотелось ему, если бы не прислушался к словам отца, вся его жизнь сложилась бы по-другому. И пусть в ней не было бы столько денег, сколько он имеет сейчас, пусть его положение в обществе отличалось бы от нынешнего, зато рядом с ним оказалась бы любимая женщина. Горестно осознавать, что вся его жизнь прошла без нее. Мысль об этом не покидала его ни на минуту.

Азаров вспомнил свой разговор с отцом. Щеки его покраснели, как и в тот день, когда он стоял перед ним, выслушивая оскорбления. «Ни один здравомыслящий мужчина не разрушит семью из-за романа на стороне! Ты немедленно прекратишь всякие отношения с этой особой. Впредь советую тебе умерить свои кобелиные наклонности». Сейчас Азарову было больно вспоминать о результатах той роковой ошибки. Тогда ему казалось, что он поступил правильно. Сын известного в советские годы политика не мог оставить жену и дочь и уйти к молодой любовнице. Иметь связь на стороне не считалось предосудительным, но предпочесть юную красотку законной супруге – о таком не могло быть и речи.

– Егор Викторович, в котором часу мне приехать за вами? – спросил водитель, повернувшись к Азарову.

Тот встрепенулся, поняв, что машина уже давно остановилась, и растерянно уставился в улыбавшееся лицо шофера. Водитель же, видя, что его слова не расслышали, повторил вопрос.

– В семь утра, – ответил Азаров. – Не провожай меня, – добавил он.

В квартире было темно. Азаров включил свет, налил себе выпить и подошел к окну. Внизу горела огнями Москва, и от этого впечатляющего вида у него стало легче на душе. Азаров всегда хотел иметь квартиру с видом на Ленинградский проспект, где прошло его детство. И когда его компания построила жилой комплекс в месте, отвечавшем его заветной мечте, он выбрал апартаменты на самом высоком этаже нового здания. Теперь каждый его новый день начинался с улыбки – из-за взгляда на панораму просыпающегося города и заканчивался глотком виски – в ореоле его ночного сияния.

Он посмотрел на часы. Полночь. Еще есть время до прихода Лилии. Азаров повел плечами, сбрасывая с себя дневную усталость, и направился в ванную. Стоя под теплыми струями воды, он вновь вспомнил лицо любимой. Лилия, его нынешняя любовница, была очень на нее похожа. Те же длинные каштановые волосы, тот же мягкий взгляд бархатистых карих глаз. Наверное, поэтому она так сильно привлекла его, и роман их длится гораздо дольше, чем все его прежние отношения с другими женщинами. Ради нее, юной и красивой, Азаров решил пройти курс восстановительной медицины. Впрочем, этому явилась основанием и другая причина. Ему хотелось снова почувствовать себя молодым, как в те годы, когда он встретил любовь всей своей жизни, которая – из-за утраты ее – стала его болезненным наваждением.

Накинув халат, Азаров вышел из ванной. В комнате уже находилась Лилия. Она весело напевала какую-то популярную мелодию и разливала шампанское по бокалам.

– Пролила, – засмеялась она, облизав пальцы. – Я тебя напугала? Прости.

– Давно ты здесь? – спросил он, взяв протянутый бокал.

Она покачала головой.

– Почему не навестила меня в душе? Устроила бы приятный сюрприз.

– Чтобы у тебя сердечный приступ случился? И что бы я тогда с тобой делала? С мертвым, да еще и голым при этом, – рассмеялась она и подняла бокал. – За тебя, мой дорогой. С днем рождения!

Азаров отпил несколько глотков, с улыбкой посмотрел на девушку, поглаживавшую свою стройную ножку, и допил оставшееся шампанское. Отодвинув поднос, он присел рядом с Лилией и прижал ее к себе. Лилия просунула руки под его халат, пальцы ее чувственно прикоснулись к обнаженной коже. Сердце громко застучало. Азаров удивился тому, как реагирует его тело: столь яркого и быстрого возбуждения у него еще не случалось. Повалив женщину на кровать, он начал страстно ее целовать. Лилия игриво вырывалась из его объятий, отчего он загорался еще сильнее. В висках бешено запульсировала кровь, руки его онемели, перед глазами появился туман... Через минуту Азаров ощутил сильную тошноту. Мерзкий холодный пот липкой пленкой покрыл его лицо и шею. Он повалился на бок, сжался в комок, ощущая, как жгучий огонь раскаленной лавой разливается в его груди.

– Что ты туда подлила?.. – еле прохрипел он.

Лилия отодвинулась подальше и со страхом наблюдала за его агонией, потом закрыла лицо руками и протяжно застонала. Она долго сидела, прижавшись к спинке кровати, рядом с мертвым телом своего любовника, и учащенно дышала, пряча лицо в ладонях. Понимая, что задерживаться в квартире опасно, Лилия наконец пошевелилась и осторожно посмотрела на Азарова. Лицо его было белым и застывшим. Одна рука прижата к груди, другая вытянута вперед. Лилия осторожно провела пальцами по посиневшим ногтям его руки, дотронулась до черных влажных волос, затем медленно поднялась и подошла к окну.

Никогда ей еще не доводилось наблюдать столь потрясающей картины! Вплоть до самого горизонта земля светилась белыми и цветными огнями, а небо – впервые за много лет – было таким пронзительно-синим, что хотелось плакать, глядя на его чистоту.

Лилия наклонилась к сумочке и достала телефон.

– Я все сделала, – спокойным голосом произнесла она и бросила холодный взгляд на кровать. – Он мертв.

Глава 3

Марта не спала всю ночь. После того как разъехались гости, а следом за ними уехал муж, они с Георгием выпили кофе на террасе. Старый друг был весел и мягок, словно пытался сгладить равнодушие Егора, не пожелавшего остаться. Марта не сомневалась в том, что муж уедет в Москву, он уже давно не проводил с ней ночей. Кроме того, в городе его уже наверняка ожидала любовница, которая была намного моложе и интереснее ее. Когда уехал Георгий, Марта и вовсе почувствовала себя одинокой. Она прошлась по тихим коридорам особняка и, остановившись на пороге своей спальни, расплакалась.

– Марта Степановна, – послышался встревоженный голос. – Что-то случилось?

– Все в порядке, Женечка, – улыбнулась она не вовремя появившейся экономке. – Иди отдыхай.

Зеленые в коричневую крапинку глаза Евгении подозрительно прищурились. Впервые за много лет она видела хозяйку в таком состоянии. Марта Степановна всегда являла собою воплощенное спокойствие, никогда не теряла присутствия духа в сложных ситуациях, а сейчас вдруг непонятно отчего расклеилась. Такая жалкая, с растрепанными волосами и красными от слез глазами, она вызвала небывалый прилив нежности в грозной управительнице дома.

– Марта, – от неожиданности Евгения обратилась к хозяйке по имени, чего ранее никогда себе не позволяла. – Если вам нужна помощь, то я...

– Оставь меня, – повторила просьбу Марта, дотронувшись до сильной руки своей самой верной помощницы. – Спасибо, дорогая, за беспокойство, но не стоит волноваться. Ступай.

Она проследила взглядом за удалявшейся фигурой недоверчивой Женечки, которая, не желая оставлять хозяйку одну, все время оглядывалась.

Марта вытерла мокрые щеки. Сняла с лица косметику, подошла к окну и долго стояла, наблюдая за темнотой ночи. В кровать она так и не легла, хотя все ее тело ныло от усталости и печали. Марта прислушалась к себе, пытаясь понять: отчего ей так плохо? Уже долгое время она со страхом ожидала, что Егор уйдет от нее. Создавалось впечатление, будто она сама привлекла, приблизила это событие, которое непременно должно было произойти. «Не отпущу тебя. Никогда», – твердила Марта в тишине – и тут же смеялась над абсурдностью своих слов. Егор непременно уйдет, потому что не было в мире силы, способной его остановить.

Замуж за Азарова она вышла, едва закончив институт. Сын ответственного партийного работника, которому пророчили серьезную политическую карьеру, он был идеальным кандидатом в мужья. Но не на серьезность и трудолюбие молодого человека обратила Марта внимание. Все внутри у нее начинало неистово дрожать, когда она смотрела в его искрящиеся черные глаза. А в те моменты, когда Егор весело смеялся над ее шутками, она и вовсе готова была сделать все что угодно, лишь бы он был рядом.

Долгое время она не могла забеременеть, и это стало единственным горьким моментом первых лет их супружеской жизни. Когда же появилась Виктория, Егор был необычайно счастлив. Он обожал дочь, а Марта боготворила мужа. Пожалуй, она слишком увлеклась воспитанием дочери и желанием угодить Егору, не заметив, что его уже тяготит такое раболепие жены. Именно тогда он начал проявлять интерес к женщинам, не таким покорным и скучным, как его супруга. Марта предпочитала делать вид, что ничего не происходит, ведь он всегда возвращался домой. А потом появилась... она. Поначалу Марта думала, что это увлечение окажется таким же недолгим, как и предыдущие. Однако она горько ошиблась и, когда любовь Егора к другой женщине стала очевидной, поняла: семьи, которую она всячески оберегала, уже давно нет. Тогда она испугалась и, отбросив гордость, обратилась за помощью к отцу Егора. Роман на стороне закончился в одночасье. Марта наивно полагала, что теперь их жизнь наладится, Егор забудет ту женщину, но она ошиблась. Муж изменился, превратился в далекого, чужого ей

человека. Даже обожаемая дочь уже не занимала его, лишь вызывала раздражение своим присутствием, а жена всякий раз напоминала ему о несостоявшейся любви и утерянных им возможностях. После краха Союза Азаров занялся строительным бизнесом. Он настолько ушел в работу, что, казалось, забыл обо всем. К счастью для Марты, та таинственная женщина навсегда исчезла из его жизни. К несчастью, Егор окончательно перестал интересоваться женой и, уже не скрывая своего безразличия, искал развлечения на стороне, пытаясь заменить утрату той любви новыми романами.

Жизнь госпожи Азаровой прошла в постоянном ожидании момента, когда муж вернется к ней и к их дочери. Она тщетно надеялась, что он наконец поймет: ближе и дороже их нет у него никого. От мысли о том, что все эти годы прошли для нее в одиночестве и пустых надеждах, Марта снова расплакалась. Столько праздников, проведенных ею наедине с дочерью, отсутствие друзей, с которыми можно было бы поделиться душевными переживаниями, мало смеха, много печали – вот он, итог ее глупого самопожертвования, результат отречения от себя самой, который она получила на рубеже своего шестидесятилетия.

Обдумывая свое прошлое, Марта не заметила, как небо посветлело и наступило утро. Пугающий вопрос «Как быть?» навязчиво крутился в ее голове. «Первым делом, – решила она, – отпущу его. Потом улечу в Испанию на месяц. Нет, на два. А после... черт с ним, с «после»! Я никогда не жила настоящим, только будущим или прошлым. Хочу жить сейчас!»

Телефонная трель перебила ее мысли. Марта посмотрела на часы – восемь утра.

– Марта Азарова. Слушаю, – сказала она.

– Марта, это Заимис, – послышалось в ответ. – Доброе утро. Прости за беспокойство... Егор с тобой?

– Нет, – покачала она головой. – Он уехал еще вчера. Ты же сам видел. Жора, что произошло?

– Не можем до него дозвониться, – виновато ответил Георгий. – Трубку не берет, дверь не открывает... У нас совещание начнется через пятнадцать минут. Важное...

– Жора, может, он... у нее?

– У кого? – засмеялся Заимис и тут же ответил: – Однозначно, нет. Ладно, не волнуйся. Я найду его.

Марта положила трубку и с беспокойством огляделась по сторонам, словно искала что-то. Так и не поняв причины своего волнения, она спустилась в кухню и сварила себе кофе. Затем вышла на террасу. Прохладный утренний воздух мгновенно охватил ее тело, заставив женщину плотнее закутаться в шаль. Марта присела в плетеное кресло. Чашечка кофе взбудорила и одновременно успокоила ее. Женщина вдруг отчетливо поняла, что у нее есть возможность начать жизнь по-другому, и от этой мысли ей стало легко. Конечно, грусть все еще держала ее в своих тисках, но ее присутствие в душе у Марты уже нельзя было назвать «черным унынием», в котором она пребывала все последние годы.

– Марта Степановна, – выглянула на террасу толстуха Евгений. – Вас к телефону, – она протянула трубку и вернулась в теплый дом, приговаривая на ходу: – Не спится им, и другим не дают. Что за люди такие?!

– Слушаю.

– Марта, это снова я. Немедленно приезжай в квартиру Егора!

Не помня себя, Марта побежала в спальню, быстро оделась, подкрасила губы, а потом долго искала ключи от машины. Страшное предчувствие сковало ее руки и ноги, не давая пошевелиться, лишь несвязные мысли лихорадочно проносились в голове. Она прислонилась плечом к стене и замерла, сквозь пелену в глазах наблюдая за неслышно бегущей стрелкой настенных часов.

«Возле трюмо, на полке», – вдруг вспомнила она и, схватив ключи и лежавшую рядом сумочку, спустилась в холл.

Через два часа Марта стояла на пороге «холостяцкой» квартиры Егора перед бледным Георгием. От него, несмотря на раннее время, уже несло алкоголем. Марта сморщила нос, прошла внутрь и обомлела, когда Георгий рукой указал ей на неподвижное тело ее мужа, лежавшее в спальне.

– О господи! – вскрикнула она, подбежав к кровати.

Дотронуться до тела мужа Марта не посмела, так и застыла перед ним, прижав руки к груди. Она посмотрела на его босые ноги, на неловкую, какую-то застывшую позу, на приоткрытый в последнем вдохе рот, и... внезапно рассмеялась. Георгий и стоявший рядом с ним Вадим Карулин, шеф по безопасности в строительной компании Азарова, переглянулись.

– Истерика, – сказал Карулин и почесал живот, с трудом помещавшийся в брюках. – Надо налить ей что-нибудь. Где здесь хранится алкоголь?

– Нет, – возразил Георгий. – Ни в коем случае! Будет еще хуже. Марта, – он подошел к ней и обнял за плечи. – Успокойся.

– Но я спокойна, – все еще смеясь, сказала она. – Мне просто так больно, что... Жора! – смех прекратился. – Как это случилось?!

– Перед нами стоит вопрос о том, что делать дальше? – Георгий нервно пригладил волосы.

– Его убили? – спросила Марта.

– Больше похоже на сердечный приступ, – сказал Карулин. – Однако, учитывая то, что Егор Викторович никогда не жаловался на проблемы со здоровьем, такой вариант кажется мне маловероятным. Уж слишком неожиданна эта кончина.

Он подошел к кровати и склонился над телом Азарова. Карулин часто встречался со смертью и, как любой сотрудник органов, пусть и находящийся в отставке, в первую очередь задумывался над тем, что именно – в каждом конкретном случае – явилось ее причиной. Смерть Азарова выглядела естественной и тем не менее вызывала подозрения.

– Егор спешил вернуться в Москву, – сказала Марта, подойдя к Карулину. – Здесь его кто-то ждал, не так ли?

– Возможно, – уклончиво ответил Карулин.

– Жора, ответь мне честно, – приказным тоном произнесла Марта, схватив Заимиса за рукав пиджака. – Она была здесь?

– Я не знаю, – Георгий развел руками. – Не лгу, я действительно не знаю.

– А кто знает?

– Так, – Карулин прервал этот нескончаемый поток вопросов, – сейчас не это главное. Марта права: Егор Викторович был тут не один. В квартире присутствовала женщина. Здесь еще пахнет ею.

Георгий сморщился от этой фразы.

– Духи, – пояснил Карулин недоумевающей Марте. – Они отличаются от тех, которыми пользуетесь вы.

Карулин потер толстую шею. Ему было лень объяснять госпоже Азаровой, что в органах за острое обоняние его прозвали Жучкой, что, единожды услышав какой-либо запах, он навсегда отпечатывал его в своей памяти. Особенно долго он помнил хорошие ароматы, а тот, что витал до сих пор в этой комнате, был тонким и на редкость приятным. Георгий Заимис терпеть не мог этой, Карулина, привычки – принимать ко всем и всему, и откровенно смеялся над его способностью воспроизводить события прошлого исключительно по тому, какие запахи тогда в них присутствовали. Сейчас Вадим мгновенно определил, что за духи использовала любовница Азарова. Он знал этот аромат – легкий, свежий, с нотами апельсина, зеленого чая и мускуса. «Хороший вкус у дамочки», – подумал он.

Карулин тоже предпочитал пользоваться дорогим хорошим парфюмом. Алкоголь и духи – это было единственное, на что он не жалел денег. Во всем остальном он давно прослыл скрягой, из-за чего часто ссорился с любовницей, которая периодически «удаляла» Вадима из своей

жизни, не выдерживая его скупости и пьянства. «Духи он коллекционные любит. «Шанель» ему подавай! – кричала она неделю назад, когда с яростью, которую ничем нельзя было унять, выбрасывала его вещи из шкафа. – Ты получаешь столько денег! И где они? Лежат в банке мертвым грузом. Жмот! Живешь в моей квартире на всем готовом. Ради чего я терплю тебя столько лет? Ради пузырька пахучей жидкости?! Убирайся из моего дома! Купи свое жилье, деньги тебе вполне это позволяют». Карулин не прислушался к ее совету и всю эту неделю ночевал в своем рабочем кабинете, что, впрочем, не мешало ему опрятно выглядеть и вкусно пахнуть. Он с удивлением подумал о том, что ему прекрасно живется без сварливой любовницы. Возвращаться к ней не было желания, тем более что его никто не звал обратно.

– Вадим, – напомнил ему о своем присутствии Заимис, – как поступим?

– Для начала вызовем медиков и милицию. Марта Степановна, запомните, что вы им скажете, – он внимательно посмотрел на притихшую женщину, до которой только сейчас дошло, что она стала вдовой. – Вчера вы договорились с мужем о позднем завтраке. Если вас спросят, почему он ночевал здесь, а не в особняке, смело отвечайте, что у него была назначена на утро важная встреча, поэтому для удобства он решил вчера вечером вернуться в московскую квартиру. Когда вы заехали за ним в положенное время, дверь вам никто не открыл, – Карулин протянул Марте ключи от квартиры Азарова, – и вы вошли с помощью собственных ключей. Егора Викторовича вы обнаружили в спальне, испугались и сразу позвонили Жоре, то есть Георгию Юстиновичу. Потом вызвали медиков и милицию. Вам понятно?

– Да, – Марта присела на кровать и тут же поднялась. – Надеюсь, вы не оставите меня одну?

Георгий вопросительно посмотрел на Карулина.

– Не беспокойтесь. Мы рядом, – ответил тот.

– А что мне сказать Вике? – со стоном спросила Марта.

– Сейчас – ничего, – сказал Георгий. – Сейчас важнее, чтобы никуда не просочилось, будто Азаров умер от сердечного приступа на руках у любовницы, а та в страхе сбежала, бросив тело.

– Я хочу, чтобы вы нашли эту женщину!

– Естественно, мы ее найдем, – усмехнулся Карулин. – Как только разберемся с милицией и врачами, я сразу займусь поисками.

– Но как вы это сделаете?

– Марта Сергеевна, – начал Карулин, – мне неловко говорить об этом... Артем – водитель Егора Викторовича – не раз отвозил эту девушку домой. Он знает адрес девицы, поэтому найдем мы ее быстро.

Глава 4

Ирина Линдерман лихорадочно искала свой мобильный телефон. Еще минуту назад он лежал рядом, на столе, а теперь исчез. Трясущимися руками она перекалывала бумаги, думая, что найдет его среди них. Потом она догадалась позвонить с городского номера. Веселая мелодия послышалась из ее сумочки. Ирина быстро повернулась и неловко ударилась коленкой о ножку кресла. Из-за внезапной острой боли ноги ее подкосились, и она присела на корточки. Отчаянно захотелось заплакать, но Ирина не посмела разразиться слезами прямо на рабочем месте, усилием воли заставив себя успокоиться.

Дверь в кабинет открылась, и сквозь стеклянную поверхность стола, заваленного бумагами, на нее с удивлением посмотрел Томас Браун. Высокий, тощий, с черными глазами и ослепительно-белыми зубами, он возвышался над Ириной и улыбался. Вернее, усмехался, потому что ситуация с сидевшей на корточках мисс Линдерман, в чьих глазах застыла вся грусть израильского народа, показалась ему более чем нелепой.

– Что ты делаешь на полу? – наконец спросил он.

– Томас, – вскочила Ирина, прижимая сумочку к груди, – мне нужно домой!

Находясь в возбужденном состоянии, она не заметила, что обратилась к нему по-русски. В другое время она непременно повеселилась бы над этим, но только не сейчас. Все ее мысли занимала страшная новость, прочитанная в Интернете. Она пульсировала болью в висках, не давая ей возможности думать о чем-либо другом.

– Прости, я ничего не понял.

– Я должна вернуться в Брайтон, собрать необходимые вещи, а ты в это время закажи мне билет до Москвы на ближайший рейс. И без комментариев! Объяснюсь потом.

– Нет, – Томас покачал головой, – объяснишь сейчас.

– Тебя это не касается!

– Значит, ты пропустишь завтрашний ужин в честь моей помолвки? Лиз расстроится.

Они давно знали друг друга, еще со времен учебы в университете, и порою позволяли себе фамильярность в общении. Много лет назад Томас пытался ухаживать за Ириной, однако его романтические порывы были категорически отвергнуты. Парадоксально, но ситуация, которая могла стать концом всяких отношений, сделала их близкими друзьями. Никогда не унывающий Томас быстро переключился на другую даму, более доступную, и именно на ней через несколько месяцев он и собрался жениться.

– Томи, – Ирина обняла его, – мне жаль, но я не смогу присутствовать. У меня...

– Ладно, не объясняй, – он махнул рукой. – Лучше подумай, что ты скажешь шефу? Он будет недоволен твоим внезапным отъездом.

– Черт! Я и забыла... Сейчас зайду к нему, а ты закажи билет, чтобы я не тратила время.

– Хорошо, – согласился Томас и потянулся к телефону. – Когда вернешься?

Ирина не услышала вопрос, так как уже выбежала из кабинета, оставив дверь открытой.

– Сумасшедшие русские, – вздохнул он и улыбнулся, зная, что его хорошее настроение отразится в голосе. – Доброе утро, я хотел бы заказать билет на имя мисс Линдерман до Москвы. На ближайший рейс. Через три часа пятьдесят минут?

Он замолчал, прикидывая в уме, хватит ли у Ирины времени доехать до Брайтона, а потом вернуться в Хитроу. Учитывая, в каком настроении убежала мисс Линдерман, машину она вряд ли пожалеет, выжмет из нее все, на что та способна. А это означало, что в аэропорт она успеет.

– Отлично! Этот вариант подходит, – сказал Томас.

Уточнив еще некоторые детали, он набрал номер Ирины.

– У тебя три с половиной часа до вылета. Билеты у оператора.

Находясь в эмоциональном запале, человек способен совершить невозможное. Менее чем за четыре часа Ирина сделала то, на что при нормальном положении вещей ей пришлось бы потратить гораздо больше времени. Казалось, весь мир пришел ей на помощь: шеф Ирину отпустил, ни о чем не спрашивая, без всяких происшествий она примчалась в Брайтон, оттуда, виртуозно лавируя в потоке машин, прибыла в Хитроу. К тому же вылет самолета задержали на десять минут, что позволило женщине вовремя успеть на борт.

Доехав на такси до дома деда, Ирина посмотрела на ярко светившиеся окна. «Пусть он окажется один», – подумала она, расплатилась с таксистом и вошла в подъезд.

Знакомые запахи детства окружили Иру, и от этого ей стало немного легче. Много лет тому назад она съезжала по широким перилам вниз, смеясь над бабушкой, умиравшей от страха, что внучка упадет и поранится. Столько времени прошло со дня ее смерти, а Ирина до сих пор помнила теплые руки, выбившиеся из высокой прически черные пряди и, главное, ее веселые глаза. Бабушка Тоня часто смеялась. Такого озорного и счастливого человека Ирина больше никогда не встречала в своей жизни. Она поставила чемодан на ступеньки и присела. Ей было страшно подниматься в квартиру, где она больше никогда не услышит бабушкиного смеха. Тяжело возвращаться в прошлое, в особенности если ты приложил все усилия, чтобы о нем забыть.

Алексей Лазаревич Линдерман крепко сжал внучку в объятиях. Он не спросил о причинах ее неожиданного визита, только смахнул с морщинистых щек слезы радости. Ему достаточно было того, что она приехала, а то, по каким причинам это случилось, не волновало его.

– Солнышко мое, – шептал он. – Как же я рад!

До позднего вечера они сидели за столом в кухне, перед высоким окном, пили чай, потом решили выпить чего-нибудь покрепче. Рядом с дедом Ирина почувствовала себя в безопасности. Она с нежностью трогала его тонкие руки, обнимала худые сутулые плечи. Иногда смеялась, потом на глаза ее набегали слезы из-за события, которое заставило ее так стремительно приехать в Москву. Алексей Лазаревич ни о чем ее не спрашивал, лишь подливал в бокал сладкий портвейн, чувствуя, что внучке необходимо расслабиться.

– Дедушка, – попросила Ирина, – не говори Людмиле о том, что я в Москве.

Она никогда не называла Людмилу мамой. Причем звала ее не Людой или Милой, а полным именем. Отстраненно, величественно и без единого намека на близость. Дед не удивился этой просьбе, кивнул в знак согласия и перевел разговор на другую тему.

– Ко мне вчера заходила Таисия, – сказал он. – Такая легкая, воздушная, – улыбнулся он. – Наверное, влюблена. Мы начали партию...

– До сих пор играете в шахматы? – Ирина облизала сладкие от портвейна губы.

– А как же! Каждый четверг. Правда, иногда нам приходится откладывать эти встречи, когда милая Таечка отсутствует в городе.

– Деда, может, ты переедешь ко мне? – с надеждой спросила Ирина.

– Зачем? – удивился Алексей Лазаревич. – Здесь мой дом, друзья, здесь Тонечка похоронена. Здесь – моя жизнь. К тебе я и так часто приезжаю, – он поднялся. – Знаешь, дорогая, тебе нужно отдохнуть. Вижу, ты устала и захмелела.

– Портвейн оказался слишком крепким.

Дед перенес чемоданы в комнату, на протяжении многих лет служившую Ирине детской. В ней ничто не изменилось со времени ее последнего визита. На кровати лежало то же покрывало, которым она укрывалась много лет тому назад, игрушки радостно приветствовали ее, любимые книги дружным рядом стояли на полке. Только пространство уменьшилось, и потолки стали ниже. Раньше комната казалась ей огромной, а теперь Ирина вдруг поняла, что это она сама была маленькой.

Алексей Лазаревич сидел рядом с внучкой, наблюдая, как она засыпает, и улыбался.

– Спи сладко, девочка моя. Ты дома.

Глава 5

Обстановка в офисе «IrVi Group» царил нервная и суетливая. Сотрудники, удрученные и взволнованные смертью босса, вполголоса переговаривались между собой, бегали друг к другу в кабинеты за новой информацией и обменивались догадками. Всех интересовали подробности, однако никто ничего не знал. Были известны лишь причина кончины шефа и время похорон. Особое внимание уделялось разговорам о перестановках кадров, которые непременно случаются при смене руководства. Даже менеджеры по дезинфекции, в чьем распоряжении находились тряпки, швабры и другие средства для уборки многоэтажного офиса, терзались вопросом: кто теперь займет кресло председателя совета директоров и как это скажется на общем деле? Часть работников не сомневались, что руководить компанией продолжит Заимис, до смерти босса занимавший должность вице-президента, остальные предполагали, что в дело войдет вдова Егора Викторовича. Но ни один не сделал ставку на дочь Азарова. Такой поворот событий даже не обсуждался – ввиду того праздного образа жизни, который вела Виктория Азарова. Уже много лет по офису ходили грязные сплетни о ее любви к роскоши и всяческим увеселениям, поэтому кандидатуру «принцессы Виктории» на роль руководителя не рассматривали, зная, что эта женщина умеет лишь тратить деньги, но никак не зарабатывать их. Большое место в этих обсуждениях сотрудники уделили Дмитрию Каманину – руководителю инженерного отдела и по совместительству зятю умершего президента. Кое-кто выдвинул идею о том, что Каманин встанет у руля, не без помощи, конечно, Заимиса. Фантазера дружно осмеяли, но не потому, что главный инженер не способен к управлению, а по той причине, что никто не делает основным наследником мужа дочери, поставив интересы чужого человека выше интересов родственников.

Когда в офисе появилась Марта Степановна, разговоры прекратились. Все с любопытством разглядывали ее, медленно плывущую по вестибюлю здания, и обзванивали коллег, предупреждая о начале переворота. При этом каждый посчитал своим долгом уделить детальное внимание ее внешнему виду, отметить выражение лица и общее настроение, чтобы впоследствии обсудить, насколько сильно опечалена Марта Степановна смертью мужа. Поведение вдовы все нашли таким же, как и при жизни Азарова: та же сосредоточенность в движениях, спокойствие во взгляде, лишь отсутствие косметики, темный брючный костюм и легкая черная шаль на светлых волосах говорили о ее душевной скорби. Марта Степановна сдержанно принимала соболезнования и медленно продвигалась к лифту, где ее ожидал Вадим Карулин.

– Как вы себя чувствуете, Марта Степановна? – искренняя забота прозвучала в его голосе.

– Как и положено в подобной ситуации, – ответила Марта и вошла в лифт. – Не слишком хорошо, но без приступов истерии.

– Главное, чтобы после нашего разговора ничто не изменилось, – сказал Карулин, нажав на кнопку верхнего этажа.

– Объяснитесь, – Марта понизила голос, несмотря на то, что двери уже закрылись и их никто не мог услышать.

– Не здесь. В кабинете господина Азарова нас ждет Георгий, там и поговорим.

Они замолчали. Карулин без тени смущения разглядывал женщину, которая, возможно, вскоре займет пост управляющего, а следовательно, станет его боссом. Невысокая, с выкрашенными в русый цвет и всегда аккуратно уложенными волосами, со вкусом одевающаяся, Марта показалась ему приятной особой, прекрасно выглядевшей в свои уже далеко не юные годы. Кроме того, от нее всегда хорошо пахло, а это стояло первым пунктом в списке, по которому Карулин оценивал людей.

В огромном, залитом солнцем кабинете, который еще несколько дней тому назад занимал Азаров, их ожидал Заимис, нервно выхаживая взад-вперед перед огромными окнами.

– Наконец-то! – вместо приветствия выдохнул он и, взяв Марту за руку, галантно поцеловал ее в запястье. – Выпьешь что-нибудь?

– Я приняла успокоительное, – отказалась Марта. – Что случилось?

Она поставила сумочку на стол рядом с компьютером и печальным взглядом обвела кабинет. В его атмосфере все еще ощущалось присутствие Егора, и от этого у нее перехватывало дыхание: казалось, будто он ненадолго покинул кабинет и вскоре вернется.

– А я выпью, – сказал Заимис и налил себе виски. – Вадим оказался прав. Смерть Егора не была естественной – ему помогли умереть.

Марта присела в кресло. Кровь гулко застучала в висках, и она зажмурилась, пытаясь отгородиться от этого известия, которое режущей болью прошло по всему ее телу.

– При вскрытии в его организме обнаружили алкоголь, соответствующий средней степени опьянения, препарат, положительно влияющий на потенцию...

– Виагру, – пояснил Карулин.

– Да, виагру, – закивал Заимис, – и сердечные стимуляторы. Все вместе это спровоцировало инфаркт. Егору еще можно было помочь в момент приступа, но, как ты сама понимаешь, никто не собирался этого делать.

– Смертельный коктейль, – пробормотал Карулин, отвернулся к окну и посмотрел на распростершуюся перед его взором Москву.

Вся в желтых, падавших на тротуары листьях, окутанная звеневшей в воздухе прохладой, такой она нравилась Карулину больше всего. Осенью Москва расцветала и становилась настолько красивой, что Вадим не мог налюбоваться яркими красками, которыми она себя украсила, живостью, проявлявшейся во всех движениях огромной столицы, и холодным дыханием далекой, но уже явственно ощутимой зимы.

– Господи! – Марта прикрыла лицо руками. – Какой скандал! Журналисты съедят меня с потрохами, да и милиция покоя не даст. Ведь я буду главной подозреваемой! У меня есть мотив для убийства: ревнивая жена свихнулась и отравила муженька. Все знают, что Егор изменял мне, и с наслаждением доведут эту информацию до сведения следователей, ведущих дело. А если еще узнают, что он собирался со мной развестись?! – озабоченность появилась во взгляде Марты. – Но ко мне никто не приходил. Жора, почему милиция медлит? Мне и тело Егора отдали без всяких проблем...

– Успокойся, – Георгий подошел к ней и встряхнул за плечи. – Мы все уладили. Официально Егор умер от хронической ишемической болезни сердца, осложнившейся острой коронарной недостаточностью. Вадим позаботился об этом. Пришлось, конечно же, финансово подкрепить лояльность некоторых лиц, но это мелочи. Истинные результаты вскрытия уничтожены, молчание осведомленных лиц куплено. Никто и рта не посмеет открыть! Прокуратура не станет возбуждать уголовное дело – ввиду отсутствия фактических обстоятельств насильственной смерти.

– Та девушка, его любовница, – Марта взяла бокал Заимиса и отпила глоток спиртного. – Жора, это она отравила его?

– Судя по всему, – ответил вместо Заимиса Карулин, – она была лишь исполнителем. Теперь на повестке дня стоит вопрос: кто именно был заинтересован в скорой смерти Егора Викторовича? Если причиной не является личное сведение счетов, то копать следует в сфере бизнеса. В таком случае в первую очередь я указал бы на Бурмистрова.

– На Артура? – удивилась Марта. – Я не понимаю...

– Бурмистров – его единственный серьезный конкурент. Все остальные не стоят внимания. Наоборот, многие пострадают из-за смерти Егора, – добавил Заимис. – Бурмистров же получил джек-пот, и теперь можно с уверенностью предположить, что всем строительным бизнесом Москвы завладеет именно он.

– Ты так легко сбрасываешь со счетов «IrVi Group»? – с оттенком грусти спросила Марта.

– Давай будем честными друг с другом, – Заимис подвинул кресло поближе к Марте и почти упал в него. – Положение более чем шаткое. Егор крепко держал компанию в кулаке, у него были большие связи и возможности. Теперь, после его смерти, партнеры заволновались, что, несомненно, вызовет беспорядки и приведет в некотором роде к смуте.

– Ты намекаешь на то, что партнеров больше всего волнует, кто займет пост руководителя? – спросила Марта. – Но, Жора, я ничего не понимаю в управлении! Единственный выход из сложившейся ситуации – это просить тебя продолжить дело Егора. Ты ведь тоже акционер.

– Моя доля в предприятии невелика, как, впрочем, и остальных. Контрольный пакет, думаю, перейдет тебе и дочери.

– То есть мое слово будет решающим?

– Безусловно. Мой тебе совет: прежде чем примешь решение, обдумай все хорошенько.

– Здесь не о чем размышлять.

Марта поднялась, и Заимис тоже встал. Она протянула ему руку:

– Ты всегда был и останешься моей главной опорой. Ты – лучший друг Егора. И только ты сможешь возглавить компанию. После похорон и оглашения завещания нужно созвать совет, где я сделаю заявление относительно твоей роли в «IrVi Group».

– Я глубоко тронут твоим доверием, – сказал Заимис, легонько похлопав Марту по руке.

– Вы ее нашли? – внезапно спросила Марта.

– Девушку? Она исчезла, – сказал Карулин. – Но мы ищем. И будьте уверены, найдем. В своей квартире она не появлялась уже несколько дней. Дом, где живет ее мать, взят под наблюдение. Рано или поздно она объявится, если от нее уже не избавились, потому что оставлять в живых такого опасного свидетеля глупо.

– Но как же тогда мы найдем виновника? – всхлипнула Марта. – Точнее, вы, потому что я вряд ли смогу вам помочь.

– Все, что сейчас требуется от тебя, – Заимис обнял ее за плечи и повел к выходу, – это спокойствие. Остальное предоставь нам. И соберись, впереди еще много трудностей.

– Спасибо, что взял на себя приготовления к похоронам. Я не в состоянии заниматься этим. Мне кажется, что я понемногу схожу с ума от происходящего.

– Тебе следует отдохнуть. Я навещу тебя вечером, не возражаешь?

– Конечно, нет.

Едва Марта вышла из кабинета, Заимис повернулся к Карулину, который, налив себе виски, тщательно принахивался к содержимому стакана.

– Что станем делать с Бурмистровым? – спросил он.

– Поцелуем его в задницу, – Карулин с наслаждением отпил из стакана. – Наши проверки, слежки, прослушка телефонов ничего не даст. Артурчик – не идиот, и команда у него хорошая, поэтому все наши попытки поймать его на чем-либо сведутся к нулю. Алиби у него железное, да и не стал бы он напрямую общаться с той подстилкой, спавшей с Азаровым. Однако интересно, как она подкатила к Егору? При этом девица так быстро вошла к нему в доверие, что он и ключи от квартиры ей на блюдечке предоставил! А может, девчонка тут и ни при чем? – размышлял он вслух. – В том смысле, что не она отравила Егора, а понадобилась только для того, чтобы иметь доступ в его квартиру? Кто знает, может, их убрали обоих, а потом от тела девчонки избавились, оставив в квартире одного Азарова?

– Слишком много лишних действий, – нахмурился Заимис. – Нет. Чувствую, что избавились от нее уже потом – если это произошло. Или девочка греется себе где-нибудь на Кубе, а мы с ног сбиваемся, пытаясь ее найти. Ты все-таки держи под наблюдением Бурмистрова. Думается мне, это его рук дело.

– Тогда, может...

Карулин прищурил глаза и внимательно посмотрел на Заимиса. Тот обдумывал предложение, которое, несмотря на то, что его не озвучили вслух, являлось очевидным.

– А вдруг он невиновен? Что мы тогда будем делать?

Глава 6

Утром Ирина и Алексей Лазаревич быстро позавтракали. Профессор извинился и объявил, что в течение всего дня будет отсутствовать, отчего Ирина испытала облегчение. Ей также необходимо было уйти, а объяснять, куда именно, не хотелось. Алексей Лазаревич надел шляпу, повязал шарф на шею и, поцеловав внучку, удалился, взяв при этом с нее обещание, что Ира отужинает с ним.

Ирина осталась одна в огромной квартире. Некоторое время она стояла в прихожей и прислушивалась к тишине, затем вынула из чемодана черное платье и долго причесывалась у зеркала. Потом, облачившись во все черное, вышла на площадку. У лифта ей встретилась соседка, не узнавшая во взрослой элегантной женщине непоседливую Иру Линдерман.

– Софья Павловна, добрый день, – поздоровалась она и улыбнулась, наблюдая, как лицо седовласой бабульки сначала сморщилось, как грецкий орех, пытаясь вспомнить имя женщины, поприветствовавшей ее, а затем в умилении разгладилось.

– Ирочка! Ты ли это?!

Софья Павловна схватила Ирину за руки. Казалось, она была необычайно счастлива увидеть девочку, когда-то приводившую ее в бешенство своей непочтительностью и шумным поведением.

– Надолго сюда, в Москву?

– На пару дней. Как вы?

– О, детка! – залилась смехом баба Соня. – Ты-то сама как думаешь? То болею, то лечусь! А так – все хорошо. А ты? Замуж вышла?

Ирина в душе рассмеялась этому вопросу. Софья Павловна в первую очередь ценила в женщине наличие мужа. Если его не было, то такая дама автоматически переходила в категорию неудачниц.

– Собираюсь, – солгала Ирина, не желая выслушивать нравоучения старушки.

Она показала кольцо на безымянном пальце и добавила, что это подарок жениха. То, что оно было на правой руке, помогло ввести старуху в заблуждение, потому что баба Соня вряд ли вспомнила бы о том, что Ирина живет в Великобритании, а там обручальные кольца носят на левой руке.

– Молодец, – заохала старушка и укоризненно покачала головой: – А Леша-то, дед твой, все молчит! Нам ничего о тебе не рассказывает...

– Всего хорошего, Софья Павловна, – Ирина закончила разговор и направилась к выходу, но внезапно остановилась, услышав за спиной тихий вздох.

– Как же ты похожа на своего отца!

– Что вы сказали? – повернулась она. – Вы знали моего отца?

– Нет, что ты! – махнула рукой Софья Павловна. – Видела его несколько раз, когда он Людочку домой провожал, и все. Стояли они во двореке, под кустами сирени... Целовались. Эх, красавец-мужчина!

Оказавшись в тихом благоустроенном двореке, на аккуратных аллеях, обсаженных яркими астрами, Ирина почувствовала, что напряжение, оставшееся в ее душе из-за этого пустого разговора со старухой, проходит. Несколько минут она просто стояла на одном месте, глубоко вдыхая холодный воздух, затем направилась к ближайшей станции метро.

По дороге она увидела большой цветочный магазин и вошла внутрь. В нос ей ударил навязчивый запах гиацинтов, неестественно яркий аромат роз и чего-то еще, что Ирина не смогла идентифицировать. Она подошла к светловолосой девушке, с любопытством уставившейся на ее полупрозрачные очки из последней коллекции знаменитого дизайнера-итальянца, и спросила, можно ли купить в их магазине траурную композицию? Девушка закивала голо-

вой и указала рукой в дальний конец большого зала, уставленного цветами. Ирина подошла к огромной витрине.

– Вам нужен траурный букет? – услышала она вопрос, заданный бесцветным голосом.

Оказалось, что рядом с ней стоит мужчина, чья внешность полностью соответствовала его голосу. Не зря, подумалось ей, он обслуживает отдел, где продают цветы для похорон.

– Вам нужна готовая композиция или вы предпочитаете лично выбрать составляющие для букета? – поинтересовался он, но не дал ей возможности ответить. – У нас богатейший набор цветов. Вот, например, такая композиция. Темно-желтые розы в сочетании с гладиолусами, в букете присутствуют также мирт и плющ. Не нравится? Тогда вот этот венок. Потрясающе красив, по-моему. Гиацинты, анемоны...

– Спасибо, – прервала его Ирина. – Я возьму лилии. Только лилии.

– Ленту траурную желаете? – вежливо поинтересовался мужчина и потянулся к корзине с белоснежными лилиями. – У нас в продаже имеются ленты высокого качества. Шелковые. Они долго не теряют цвет, ни в дождь, ни в холод.

Ирина устало прикрыла глаза и пожалела, что зашла в этот магазин. Мужчина понял, что женщина находится в крайне печальном состоянии, и замолчал.

– Приношу свои глубочайшие соболезнования в связи с постигшим вас горем, – сказал он, протягивая ей лилии.

– Благодарю.

Ирина расплатилась за букет и поднесла цветы к лицу, с нежностью ощущая, как лепестки мягко касаются кожи.

На кладбище, как она и предполагала, было много людей. Друзья, коллеги и родные прощались с Азаровым Егором Викторовичем. Ирина остановилась на таком расстоянии, чтобы чувствовать себя частью происходящего, и в то же время, чтобы ни у кого не возникло предположения, будто она пришла проститься с умершим. Она стояла у чьей-то могилы и слушала речи, произносимые над гробом Азарова. Вскоре она поняла, что совершила ошибку, придя на кладбище в момент похорон.

– Я вернусь завтра, когда ты будешь один, – тихо произнесла Ирина и положила цветы у ограды.

И все же уйти у нее не было сил. Она посмотрела на мужчину, которого любила, обнимавшего за плечи рыдавшую жену. Рядом с Дмитрием стояла вдова Азарова. Лицо ее было спокойным, но во взгляде читалась такая боль, что сердце Иры сжималось от жалости. Ирина снова посмотрела на Викторину. Даже в трауре она была прекрасной. Темные волосы выбились из-под вуали так, что невольно хотелось убрать их, чтобы они не трепетали на ветру... Вдруг она, громко застонав, ринулась к гробу, но Дмитрий схватил ее за руку и притянул к себе.

– Ты что здесь делаешь?!

Ирина повернулась к Таисии. Подруга с удивлением и злостью смотрела на нее.

– Решила Каманина утешить? – ядовито прошипела она. – Бедняжка, тестя потерял! Ты ради него прилетела?

– А ты здесь почему? – в тон ей ответила Ирина, но не смогла не подойти к подруге.

– Он – мой двоюродный брат. Родня моя, мать его! – Таисия позволила Ире обнять себя. – Я, между прочим, здесь не по своей воле. Повинность отбываю. А ты совершаешь глупость! Дмитрий не нуждается в твоём утешении, потому что вовсе не расстроен. Зато Вика в яму прыгнуть готова.

– Закрой рот, Тая, – мягко попросила Ирина и улыбнулась.

– Когда ты уезжаешь?

– Еще не знаю, – Ирина пожала плечами.

Таисия сняла огромные очки, делавшие ее похожей на стрекозу-летчицу.

– Это мероприятие, по всей видимости, затянется надолго, потом я займусь своими делами, а вечером приеду к тебе. Ты у профессора остановилась?

Ирина утвердительно кивнула.

– Ладно, деду передавай привет. Ночевать будешь у меня, – сказала Тая тоном, не допускающим возражений. – А теперь уходи. Не хочу, чтобы Каманин тебя увидел.

– До встречи, – Ирина подставила ей щеку для поцелуя. – Я люблю тебя.

– Как же! Это в тебе печаль говорит, но мне приятно слышать такие сопливые нежности, – Таисия подмигнула подруге, нацепила очки на нос и, томно шевеля бедрами, направилась к людям, со скорбными лицами стоявшим у могилы.

Ирина вернулась домой. Уже на пороге она поняла, что в квартире кто-то есть, и это – не Алексей Лазаревич. В гостиной горели свечи, от них исходил едва уловимый запах воска. На столике стояла наполовину опустошенная бутылка вина, вторая, уже пустая, валялась на полу, а в кресле, укрыв ноги пледом, сидела Людмила, мать Ирины, и курила.

– Здравствуй, дочь, – заплетающимся языком произнесла она.

– Мама, ты пьяна?

От неожиданности Ирина впервые за много лет произнесла это слово, обратившись к ней.

– Ради того, чтобы услышать, как ты меня назвала, стоило напиться, – хрипло засмеялась Людмила.

– Почему ты здесь?

– То же самое я хочу спросить у тебя.

Ирина с раздражением посмотрела на нее. Не худая, а сухая – от постоянных перекусов и непрерывного курения, – с огромными грустными глазами, с тонкими руками-веточками, которые не умели обнимать, с широким ртом и узким подбородком, Людмила была и красива, и ужасна одновременно. Дело было не в ее худобе и не в преувеличенно крупных чертах лица, а в холодном блеске глаз и явном безразличии ко всему, происходящему вокруг нее.

– Зачем вернулась? – жестко спросила Людмила и потянулась за бокалом.

Ирина выхватила его, не дав матери взять бокал в руки.

– Я позвоню Артуру, скажу, чтобы приехал за тобой, или вызову такси. Выбирай.

– Бурмистров уже звонил. Он скоро будет здесь. Отдай, – потребовала Людмила.

– Пожалуйста, пей. Мне все равно, – Ирина с грохотом поставила бокал на стол. – Я иду к себе.

– Останься, – жалостливо попросила Людмила. – Неужели ты меня никогда не простишь? Ирина непонимающе посмотрела на нее.

– Ты ни в чем передо мной не провинилась, – сказала она наконец, присев рядом с матерью.

Людмила склонила голову ей на плечо:

– Я лучше знаю, где ошиблась.

– Мне не нужна твоя исповедь. Оставь ее при себе.

Ирина поднялась и отошла в сторону.

– Поэтому ты здесь? Дома Артур не позволил бы тебе напиться?

Ирина с сожалением посмотрела на мать. В ее душе появилось ощущение, будто она извиняется перед самой собой за поведение Людмилы. Весьма гадкое чувство, учитывая, что она ни в чем не была виновата.

– Кремируй меня после смерти, – внезапно сказала Людмила.

– Что?! – разозлилась Ирина. – Какая смерть?! Да у тебя здоровье железное! Пьешь, куришь, неизвестно когда и что ешь, не спишь, но при этом никогда не болеешь. Я даже не помню, чтобы у тебя когда-нибудь хоть насморк был! И ты умирать собралась?! Да ты любого переживешь! Все! Хватит с меня смертей! Ненавижу смерть и разговоры о ней! – выкрикивала

она, не обращая внимания на пристальный взгляд матери, и успокоилась, лишь когда раздался звонок в дверь.

– Забирай ее, – вместо приветствия сказала Ирина приехавшему за пьяной матерью отчиму.

– Здравствуй, дорогая.

Бурмистров решил быть вежливым и протянул ей руку. Ирина мгновенно смягчилась, услышав теплые нотки в его голосе.

– Здравствуй, Артур, – она слегка коснулась пальцами его теплой кожи и тут же убрала руку. – Увези ее, пожалуйста. Не хочу видеть ее в таком состоянии. Думала, что она изменилась за то время, что мы не виделись. Ошиблась.

– Люда тоже предполагала, что ты оттаешь, – усмехнулся он.

– Не заставляй меня говорить грубости.

– Не оттаяла ты, наоборот, еще большей коркой льда покрылась, – сказал Бурмистров и оскалился. – Ты изменилась. Но, поверь мне, изменения не пошли тебе на пользу.

Шатаясь, Людмила вышла в коридор, где уже явно намечалась ссора между отчимом и падчерицей.

– Как же вы меня бесите, – сказала она. – Оба. И ваша ненависть друг к другу – убивает.

– Когда ты успела так налакаться? – Бурмистров повел жену к выходу, приговаривая на ходу: – Но ничего. Я тебя приведу в порядок. Сварю кофе...

Людмила повернулась к Ирине и выкрикнула:

– Ты ведь к нему приезжала?! К нему?!

Ирина со злостью захлопнула за ними дверь. Прошла в гостиную и взяла в руки недопитую бутылку вина.

– К нему, – ответила она уже ушедшей матери и глотнула прямо из горлышка. – К кому же еще? Или ты думаешь, что к тебе?!

Глава 7

Дмитрий Каманин с нетерпением ожидал, когда Георгий закончит разговор с нотариусом и начнется действие, ради которого, собственно, и собрались родственники и самые близкие друзья умершего. Марта Степановна и Виктория сидели на диване, тесно прижавшись друг к другу. Карулин стоял недалеко от них и с тем же любопытством, что и Дмитрий, поглядывал на тихо беседующих в стороне мужчин. Как ни пытался Дмитрий подслушать их разговор, ничего не выходило: до него долетали лишь обрывки фраз, но они не давали ему возможности вникнуть в суть их рассуждений. И тем не менее разговор был серьезным, потому что Заимис сперва заметно побледнел, а потом кожа его местами приобрела синюшный оттенок. Такое случалось с ним очень редко, только в те моменты, когда он был чрезвычайно зол или обеспокоен чем-то. Дмитрий осторожно подсматривал за ним. Щупленький, с большим крючковатым носом и длинными волосами, собранными в тонкий хвост, Георгий за все годы их знакомства не изменился ни на йоту. Всегда он носил короткую, аккуратно подстриженную бородку, такую же белую, как и его волосы, и серый костюм. Шею укутывал шарфом. И если цвет его костюмов оставался постоянным, менялись лишь оттенки серого, то в выборе шарфов Георгий проявлял завидную фантазию: эта деталь его гардероба многих поражала буйством и богатством красок. Сейчас, учитывая трагичность момента, на нем был простенький черный шарфик, с небрежной элегантностью спускавшийся на грудь.

Покойный Егор Викторович называл своего друга «Казановой всея Руси»: уж очень тот любил позировать и производить впечатление своей необычной для мужчины пенсионного возраста внешностью. Дмитрий задумался над тем, почему у Георгия никогда не было семьи? Он категорически был против женитьбы, считая ее скучной и непродуктивной тратой времени. О детях отзывался с той же непримиримостью и как-то заметил, что если у него где-то и имеются отпрыски, о которых ему, слава богу, ничего не известно, то все они являются ошибками его молодости, плодами беспутства и отсутствием должных знаний в области контрацепции. Несмотря на это, Георгий был очень привязан к Виктории, единственной дочери своего друга, да и к Марте относился сердечно и внимательно. Но самое главное – он умел хранить чужие тайны, и ему доверяли все, начиная от Егора Викторовича и заканчивая экономкой Женечкой, которая мужчин терпеть не могла, зато в присутствии Георгия таяла так же быстро, как леденец во рту. Заимис был живым кладом секретов Азаровых, что давало ему огромную власть над ними. Однако он не пользовался ею, предпочитая оставаться просто другом и поверенным.

Дмитрий повернулся к жене. Виктория вытирала лившиеся по ее щекам слезы. Из всех, находившихся в этой комнате, она была единственным человеком, остро и безнадежно переживавшим смерть Азарова. Остальные вели себя сдержанно. Даже Марта удивила Дмитрия своей холодностью и спокойствием, хотя, казалось, именно она и приметит стенать и заламывать руки в рыданиях по горячо любимому мужу. Мысли Дмитрия снова вернулись к жене и к тому моменту, когда она вручит ему бумаги о разводе. Если бы не эта несвоевременная кончина Азарова, они уже давно обсуждали бы варианты раздела имущества и наконец разошлись бы, перестав мучить друг друга.

Разговор между мужчинами закончился. Заимис в раздражении сорвал с шеи шарф и бросил его на диван. Затем присел в кресло, сложил руки на коленях и принял вид крайней усталости. Карулин подошел к нему и низко наклонился. Заимис сказал ему несколько слов, Карулин покачал головой и присвистнул. Дмитрий окончательно извелся от любопытства.

– Господа, – сказал нотариус, нацепив очки на нос, – начнем.

Он взял в руки исписанный лист бумаги и зачитал следующее:

– «Я, Азаров Егор Викторович, настоящим завещанием делаю следующее распоряжение. Первое. Из принадлежащего мне имущества моей жене, Азаровой Марте Степановне, завещаю

жилые дома, – далее нотариус внятно назвал адреса, – также одну третью долю средств, находящихся на следующих счетах...»

Нотариус начал скучное перечисление финансовых моментов. Дмитрий посмотрел на Заимиса, который нервно качал ногой, и внимательно вслушался в голос нотариуса, поняв, что самое интересное еще впереди.

– «Оставшиеся части в равной степени делятся между моими дочерьми – Викторией Егоровной Азаровой и Ириной Алексеевной Линдерман», – нотариус сделал паузу, позволяя присутствующим выйти из оцепенения, в которое все они впали из-за этой последней фразы, и продолжил: – «Второе. Из принадлежащих мне акций компании «IrVi Group» десять процентов переходят Георгию Юстиновичу Заимису, остальные девяносто процентов в равных долях делятся между дочерьми Викторией Азаровой и Ириной Линдерман. Третье. Содержание Гражданского кодекса Российской Федерации мне нотариусом разъяснено. Текст завещания записан нотариусом с моих слов и до его подписания прочитан мною лично в присутствии нотариуса». Это все, что касается воли умершего. Здесь находятся бумаги, подтверждающие отцовство Егора Викторовича, – он подал папку Марте Степановне. – Также составлен подробный список имущества, принадлежащего господину Азарову. Вам, Георгий Юстинович, поручено передать письмо.

– Что в нем? – поинтересовался Заимис, разглядывая запечатанный конверт.

– Мне это неизвестно, – ответил нотариус. – Четыре месяца тому назад, когда мы составляли завещание, Егор Викторович попросил дать ему лист бумаги и написал несколько строк. Содержание не было оглашено вслух, так что это его личное послание.

Марта рассмеялась.

– Значит, у них была дочь! – проговорила она и, поднявшись, заходила взад-вперед по кабинету.

Нотариус быстро собрал бумаги и уложил их в портфель.

– Георгий Юстинович, – сказал он, – жду вас завтра в десять у себя. Сегодня я должен связаться с госпожой Линдерман и договориться о встрече.

– Будьте добры, не спешите, – попросил Заимис. – Пусть страсти немного улягутся. Мы сами с ней свяжемся.

– Разумеется. Всего наилучшего.

Проводив нотариуса до двери, Заимис вскрыл конверт. «Жора, умирать я не собираюсь еще долго. И все же, если из нас двоих я окажусь первым, кого будут хоронить, – поздравляю, чертов Аполлон! Никаких наставлений давать не стану. Единственное: прошу тебя проследить, чтобы мои распоряжения были исполнены в точности. Знаю, у тебя на этот счет возникнет множество вопросов. Можешь злиться на меня за то, что я молчал об Ирине. На то были свои причины. С уважением, Азаров».

– Надо подумать, какие действия предпринять, чтобы не допустить вступления Ирины Линдерман в права наследования, – сказала Марта, озабоченно посмотрев на дочь.

Виктория подбежала к Георгию и вырвала письмо из его рук.

– Цирк какой-то! – сказала она. – Папа умер – зато сестра появилась?! Мама, ты с ней знакома? Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь!

– Сегодня я впервые узнала о ее существовании, – ответила Марта, спокойно глядя дочери в глаза. – Георгий, а ты?

– Удивлен, что Егор мне ничего не сказал.

– Она... ее дочь?

– Марта, мне об этом неизвестно! – Георгий повысил голос.

Дмитрий Каманин с восторгом наблюдал за этим переполохом. Великий Азаров оказался вовсе не таким совершенным, каким пытался себя представить! Но не эта новость больше всего обрадовала и удивила его. Какое из чувств тут главенствовало, Дмитрий не мог понять: то ли

изумление оттого, что его давняя любовь оказалась дочерью тестя, то ли радость из-за того, что ей причиталась половина огромного состояния, из которого ему самому не досталось ни копейки. Дмитрий заметил, как на него испытующе смотрит Карулин, и спрятал улыбку. Ее, к сожалению, заметила Виктория, и это привело молодую женщину в бешенство.

– Не хочу говорить с вами, мелочными хапугами!

Она бросила письмо, написанное отцом, на пол и вышла за дверь. В коридоре Виктория остановилась, вернулась в комнату и, подойдя к столу, взяла в руки папку, оставленную нотариусом. В ней она нашла листок с адресом Ирины Линдерман и, забрав его, удалилась вторично.

– Что она взяла? – спросила Марта, не посмеявшая остановить дочь, так как видела, что с ней сейчас и спецназ не справился бы.

– Завтра спрошу у нотариуса, – сказал Георгий. – Он должен знать, какие документы находятся в папке и что исчезло.

– Хорошо, – кивнула Марта. – Теперь свяжись с юристами, пусть думают, как предотвратить попытки этой Линдерман завладеть наследством моей дочери. А ты, Дмитрий, найди Викторию. Как бы она глупостей не натворила.

Марта устало посмотрела на зятя, и тот мгновенно понял, что от него желают избавиться. Видимо, «дорогая мама» намеревается обсудить с Заимисом и Карулиным настолько деликатные темы, что присутствие лишних свидетелей внесет диссонанс в их тесный союз.

Дмитрий попрощался. Жену искать он не собирался, решив так: если Марта беспокоится о дочери, то пусть сама за ней и присматривает. На террасе он с наслаждением затянулся сигаретой. Сквозь дым он увидел машину Виктории, уже выезжавшую за пределы поместья. Куда же так спешит его благоверная?

– Сплошные тайны, – тихо улыбнулся он самому себе.

– Митя, – послышался за его спиной голос экономки. – Тебе кофе сварить?

– Свари, Женечка, – он подошел к грузной женщине и ущипнул ее за бок. – Компанию мне составишь?

– Составлю, сердцеед, – хихикнула Евгения. – Так кто кого бросает? Ты – Вику или Вика – тебя?

– Вот любопытная старуха! – Дмитрий затушил сигарету и, обняв экономку, сделал вид, что собирается поднять ее на руки.

– Не смей, – зашикала она ему в ухо. – Надорвешься! Вечно ты пытаешься взвалить на себя больше, чем можешь осилить.

– Ошибаешься, – Дмитрий мрачно посмотрел в ее зеленые, в мелкую крапинку, глаза. – Никто не знает моих способностей, – и он улыбнулся. – Что стоишь? За это время можно было не только кофе сварить, но и торт испечь!

* * *

Виктория безудержно плакала на груди молодого человека. Он нежно укачивал женщину в своих объятиях, давая ей возможность успокоиться, но она продолжала вздрагивать, захлебываясь рыданиями. Наконец она немного отодвинулась и произнесла:

– Горько, что ты видишь меня в таком состоянии. Прости.

– Не извиняйся. Я тебя понимаю.

Виктория покачала головой:

– Нет, Стас, ты не можешь понять, что значит потерять отца.

– Но я могу поддержать тебя, выслушать и утешить, – он прижал ее к себе.

Виктория улыбнулась сквозь слезы.

– Была ли я такой мудрой в двадцать пять лет? Нет, не была, – ответила она на свой вопрос. – Тебя не смущает наша разница в возрасте?

– Разве пять лет – это так много? Не тридцать пять же! А если я скажу, что краснею от стыда, когда ты находишься рядом, – как ты себя поведешь?

– Снова начну плакать.

Виктория пригладила растрепавшиеся волосы любимого и с нежностью поцеловала его.

– Я больше не вернусь к Дмитрию, – сказала она и с облегчением прикрыла глаза, увидев выражение радости на его лице. – У нас с тобой будет ребенок.

Стас крепко сжал ее руку.

– Хорошая новость, – просто сказал он.

– А твой отец, как он отреагирует?

– Не знаю, – Стас пожал плечами. – Это не имеет значения.

– Я хочу найти ту девушку. У меня есть ее адрес, он был в бумагах нотариуса, – Виктория достала из сумочки листок и протянула его Стасу.

– Брайтон? – удивленно произнес он. – Далеко живет твоя сестрица!

– Я бы и на Луну полетела, если бы она жила там.

– Зачем?

– Хочу знать, почему папа скрывал ее от нас?

– Если не возражаешь, я составлю тебе компанию.

– Люблю тебя, – Виктория села к нему на колени и обняла. – Никогда не думала, что смогу так любить... Иногда мне становится страшно, кажется, что ты – это всего лишь сон, и я боюсь открыть глаза. Не хочу, чтобы ты исчез из моей жизни.

– Глупая, – улыбнулся Стас, поцеловав ее. – А я боюсь, что ты не уйдешь от Каманина.

Она уверенно покачала головой:

– Все закончилось. Остались формальности.

Стас спрятал лицо в ее волосах и едва слышно вздохнул. Ему мало верилось в их безоблачное будущее. С одной стороны, покоя ему не давал Каманин, который не откажется с легкостью от такой богатой жены, с другой – пугал гнев отца. Учитывая жесткий характер и строгие моральные принципы старика Никлогорского, отец Стаса сделает все возможное и невозможное, лишь бы не допустить в их семью такую легкомысленную женщину, как Виктория.

Глава 8

Ирина допила вино, оставшееся в бутылке, и сморщилась. Пить она никогда не любила, потому что быстро хмелела, но сегодня ей хотелось опустошить все запасы алкоголя, имевшиеся у деда. Обшарив ящики в кухне, она так и не нашла ни одной бутылки чего-нибудь горячительного. «Дед явно шифруется», – подумала она, проверяя места, где профессор хранил крепкие напитки. – Быть такого не может, чтобы в его квартире царил сухой закон! И все же Ирина вынуждена была признать, что сыщик из нее получился ни на что не годный. Тогда она быстро накинула на плечи плащ и вышла из квартиры. Вспомнив, что недалеко от дома деда находится кафе, Ирина быстрым шагом направилась в нужную сторону.

Конечно же, не желание выпить заставило ее выйти на улицу, а грусть. Было невыносимо оставаться одной в пустой квартире. Хотелось поговорить с кем-нибудь, поделиться печалью, оставшейся на душе после ее неудачного разговора с матерью.

В кафе Ирина немного отвлеклась от своих унылых мыслей. Она с улыбкой огляделась, вспоминая, что ранее в этом месте была простая кофейня, где продавались самые вкусные в Москве блинчики с клубничным сиропом. Сейчас это было модное местечко, с искусно оформленным интерьером и важными официантами, один из которых принес Ирине меню в красивой папке и терпеливо ожидал, когда она сделает заказ. Ирина попросила бокал белого вина и посмотрела в окно. «Господи! – внезапно пронеслось у нее в голове. – Я же в Москве! Дома. Почему же все вокруг – чужое?»

Официант принес вино. Она вдохнула его аромат и удовлетворенно кивнула. На вкус оно, к сожалению, оказалось хуже, чем на запах. Ирина отставила бокал в сторону и с удивлением обнаружила, что за ее действиями наблюдают. Столик, который она заняла, находился недалеко от стойки бара, где на высоком стуле сидел светловолосый мужчина и без тени улыбки смотрел ей прямо в глаза. Ирина приподняла бровь, показывая, что ей неприятно это пристальное разглядывание. В Лондоне это немедленно подействовало бы на назойливого джентльмена. Этот же тип никак на ее мимику не отреагировал, даже не попытался сделать вид, что заметил ее недовольство. Ирина отвернулась, решив не заострять на нем внимание и не портить еще больше свое и без того дурное настроение.

В голове ее кружились картинки из детства и юности, Ирина полностью растворилась в них, отстранившись от окружающего. Казалось, все вокруг исчезло, осталась только она и ее история, воспроизводимая памятью в мельчайших подробностях. Ирина улыбнулась своему самому первому воспоминанию. Мама резала арбуз в кухне и разбила тарелку, на которой он стоял. Ирина не запомнила ни размера арбуза, ни того, какая тогда стояла погода, ни был ли это день или вечер? Зато помнила осколок тарелки с синей каймой, который она аккуратно держала в руках, боясь пораниться. Но самое главное, что осталось в ее памяти, – это объятия мамы. Так нежно и любовно она больше никогда до Иры не дотрагивалась.

Много лет Ирина потратила на то, чтобы понять, почему Людмила холодна к ней. Ведь девочкой она делала все, чтобы услышать от нее хоть одно доброе слово, увидеть мягкий взгляд, которым любая мама награждает свое дитя. Она хорошо училась, рассчитывая на похвалу, безропотно занималась ненавистными музыкой и рисованием в надежде на одобрение, на теплые объятия мамы. Все это она получала от бабушки и дедушки, но не от Людмилы. Мать вообще не занималась ею. Она банально игнорировала свою дочь. Лишь годы спустя Ирина узнала о причинах этого жестокого безразличия. Узнала, но не поняла.

Ирина росла без отца. Несмотря на то, что дед взял на себя эту роль и она удавалась ему весьма неплохо, ощущение некой пустоты никогда не покидало девочку, в особенности в те моменты, когда она видела других девочек, державших за руку своих отцов. Спрашивать у Людмилы о том, кто ее папа и почему он не живет с ними, ей было страшно. Мать не выда-

вала своих секретов, а имя человека, разбившего ее сердце, оставалось самой главной тайной ее жизни. В десятилетнем возрасте Ирина задала бабушке вопрос: отчего она носит фамилию деда и его отчество? Та смущенно замолкла и не дала ответа, а потом плакала, закрывшись в своей комнате. Людмила же пришла в ярость, услышав, чем интересуется дочь. Она схватила ребенка за худенькие плечи и больно сжала их, выдавив из себя фразу, которую Ирине так и не удалось забыть: «Никогда ты, мерзкая девчонка, не будешь вспоминать о нем! Я не желаю впредь слышать о человеке, которому ни ты, ни я не нужны». Потом она заперлась в кабинете деда и долго не выходила. А Ирина не поняла причин ее злости. Маленький ребенок, отвергнутый самым важным существом в своей жизни – мамой, не мог осознать, почему его считают причиной всех бед и поражений?

После того как мать вышла замуж за Артура, их и без того холодные отношения совсем прекратились. Однажды на семейном совете Ире объявили, что она уезжает на учебу в Лондон. Не спрашивали, желает ли она этого, а просто поставили ее перед фактом. Дед был категорически против решения, принятого Артуром.

– Вы хотите избавиться от девочки? – с неприязнью спросил профессор Линдерман.

Ирину сразу же попросили удалиться из комнаты, потому что назревал серьезный разговор, в котором дети не должны принимать участие. Она не посмела ослушаться, но уходить далеко не собиралась: стояла под дверьми и подслушивала.

– Люда, – обратился дед к дочери, – я все прощал тебе. Поддерживал тебя, когда ты решила оставить ребенка, зная, что будешь растить его одна. Помогал, когда ты фактически отказалась от малышки, передав ее на воспитание нам с матерью. Я ни слова не сказал тебе, видя, как ты отталкиваешь Ирину, хотя нужно было кричать об этом. Ты перенесла на дочь всю ненависть, которую испытывала к ее отцу. Ты не принимала никакого участия в ее жизни, не забирала ее из садика, не переживала, когда она болела, не радовалась, когда она училась читать. Ты прошла мимо нее, а сейчас решила и вовсе удалить? Я не позволю!

– Алексей Лазаревич, – услышала Ирина голос отчима, – только Людмила имеет право решать, каким будет будущее ее дочери.

– Помолчите, молодой человек! – вскричал дед, и Ирина испугалась, потому что раньше никогда не слышала, чтобы он повышал голос. – Вы вообще не имеете никакого отношения к ситуации. Вы ей не отец и не друг. Вы ей – никто! Лишь муж ее матери, которого она не знает и не любит.

– Мне не нужна любовь Ирины, – нисколько не смутился Артур. – Я не претендую на какую-то близость с ней. Я лишь проявляю заботу о ее образовании и согласен оплатить обучение. Заметьте, дорогое обучение, в одном из лучших пансионов Великобритании.

– Она вам мешает? – спросил дед. – Но почему? Она не живет с вами, вы редко видите. Люда, неужели Ирина настолько тебе противна, что ты готова переселить ее в другую страну?

Ирина вздрогнула, увидев выбежавшую из комнаты мать. Та так же сильно испугалась, поняв, что девочка слышала этот неприятный разговор. Она протянула руку дочери, но Ирина оттолкнула ее и подошла к деду.

– Не ругайся с ними. Не нужно, – прошептала она, обнимая его за шею. – Я согласна уехать. Только пусть они уйдут!

Тринадцатилетний подросток, чье внимание по идее должны занимать игры, мальчишки и все остальные сопутствующие этому нежному возрасту атрибуты, вдруг проявил мудрость и спокойствие, утерянные самими взрослыми. Расстроенный профессор взглянул на нее, улыбаясь сквозь слезы, и понял, что его внучка давно уже перестала быть ребенком. Этот факт опечалил его гораздо больше, нежели их скорое расставание.

Через четыре месяца Ирина переехала в Лондон. Первое время она плакала, скучая по бабушке и дедушке, потом успокоилась и понемногу влилась в новую жизнь. В этом ей помогла Таисия, смешная и веселая девчонка, ближе которой у Иры никого не было. Долгое время

между ними не существовало никаких секретов. Лишь когда в жизни Ирины появился отец, она несколько отдалилась от подруги, боясь нечаянно выдать эту трепетно хранимую ею тайну.

Егор Викторович сам нашел Ирину. Их первый разговор состоялся в кафе, расположенном неподалеку от пансиона, и именно там, в этом кафе, она почувствовала, что в ее жизни появился человек, способный подарить ей много любви и нежности. Ирина редко называла его отцом, предпочитая обращаться к Азарову по имени, но, несмотря на это, их отношения благодаря общим усилиям стали близкими и открытыми. Егор рассказал дочери, как он познакомился с Людмилой. Не утаил причин, заставивших его остаться в семье и отказаться от новорожденной дочки. Он утверждал, что ни дня не проходило, чтобы он не думал о своей любимой Людочке и девочке, которую никогда не видел. Ирина поверила, потому что глаза его блестели от слез, а в голосе звучали такое отчаяние и сожаление, какое бывает лишь у человека, искренне раскаивающегося в совершенных им ошибках. Так для отца и дочери началась чудесная пора. Они узнавали друг друга, изо всех сил стараясь восполнить упущенное прежде время.

Егор не хотел держать их отношения в тайне. Ему не терпелось рассказать о своем ребенке всему миру, но именно Ирина уговорила его не делать этого. Она не желала вносить разлад в семью своего отца. Егор уступал, но злился каждый раз, когда она отказывалась прилететь в Москву, боясь, что там их могут увидеть вместе, и это вызовет ненужные вопросы.

– Солнышко, – говорил он, – думаешь, меня заботит, что скажут люди?

– Раньше заботило.

– Все изменилось. Время стало другим. Я уже не тот, каким был в молодости. Но совершаю ту же ошибку, что и тогда. Больше я не хочу скрывать тебя! Хочу, чтобы все знали, кем ты мне приходишься.

Ирина понимала, что хранить их отношения в тайне – большая глупость, но не хотела ничего менять. Для всех она была Ириной Линдерман – внучкой профессора Линдермана, одного из проректоров МГУ, падчерицей Артура Бурмистрова, входившего в список богатейших людей России. Перемены, которые неизбежно произойдут, когда откроется ее родство с Егором Азаровым, изменят жизни их обоих (и не только их) до неузнаваемости, и она боялась этого.

Когда пришло время определяться с вузом, она решила остаться в стране, которую любила и где ощущала себя свободной. Отчим, довольный решением Ирины не возвращаться в Россию, купил ей квартиру на набережной в Брайтоне, где она должна была учиться. Расстроенный отец подарил ей машину, а дед обиделся и две недели с ней не разговаривал. Он мечтал, что внучка будет учиться в университете, где он преподавал, мечтал расписываться в ее зачетке и гордиться ее успехами. Его утешением стала Таисия, переехавшая в Москву и взявшая на себя обязанности внучки. Они с дедом настолько сблизились, что Ирина порою не понимала – восхищаться ли ей их дружбой или ревновать?

Учебе, а затем и карьере Ирина уделяла много времени. Это не было связано с какими-либо честолюбивыми мечтами, скорее она просто желала как-то упрочить, утвердить свою самостоятельность. Зависеть от денег отца и отчима, которые, впрочем, никогда и ни в чем Ире не отказывали, ей не хотелось. К удивлению Таисии, мечтавшей примерить на себя роль падчерицы богача Бурмистрова, Ирина много работала, поэтому и пользовалась авторитетом в банке, куда ее пригласили сразу же после получения диплома. Сейчас, несмотря на свою молодость, она уже руководила отделом, а в будущем намеревалась пойти еще дальше. Но важнее всего этого была для нее гордость, светившаяся в глазах ее деда и Егора, когда она рассказывала им о своих успехах.

Ирина вдруг почувствовала, что глаза ее наполнились слезами. Когда она узнала о смерти отца, все в ее душе словно оборвалось, и в то же время она не могла поверить, что его больше нет. Стало страшно от мысли, что она больше никогда не увидит его лица, улыбки, что он уже не обнимет ее. Ирина испугалась, что снова потеряла его, и теперь уже – навсегда. С этим

было сложнее всего смириться. Одно дело – больше никогда не видеть человека, но при этом испытывать уверенность, что у него все в порядке. И совсем другое – понимать, что его жизнь оборвалась и вы больше не встретитесь, так как вас разделяют не сотни километров, а тонкая линия смерти, совсем незаметная, но четко определяющая границу, которую можно переступить лишь тогда, когда придет и твое время.

Ирина потянулась к зазвонившему мобильнику. Это была Таисия.

– Ты, твою мать, где? В квартире – ни тебя, ни деда. Куда вы, Линдерманы, пропали?

– Я в кафе, – ответила Ирина и съежилась, заметив, что темноволосый мужчина у стойки бара продолжает наблюдать за ней. – У дедушки встреча с друзьями.

– Дед на вечеринке с профессорами-очкариками? – засмеялась Таисия. – Вот черт! Этот старик удивляет меня с каждым годом все больше и больше. Ладно, говори адрес, сейчас я заеду за тобой. И деду позвоню, может, его и какую-нибудь его ассистентку нужно будет забрать с пирушки. В любом случае ночевать ты останешься у меня, чтобы Моисею вечер не испортить.

Смеясь, Ирина отложила телефон в сторону и бросила взгляд на настырного мужчину. Его внимание уже заняла другая особа. Ирина едва не рассмеялась. Десять минут назад она готова была ему нахамить, лишь бы он отвел от нее взгляд, теперь же, когда на его горизонте появилась другая женщина, она чуть ли не расстроилась. Высокая брюнетка целовала мужчину, собственнически притянув его к себе. Они еще некоторое время ворковали у стойки, а потом направились к выходу, и как раз в этот момент в дверях показалась Таисия. Ирина, уже давно расплатившаяся за вино, пошла ей навстречу и, проходя мимо мужчины и его спутницы, опустила голову, стараясь не встретиться с ним взглядом. Таисия, красивая и высокая, словно царица Савская, взяла Ирину за руку. Ирина с удивлением отметила, что за ними наблюдают посетители кафе – вернее, за Таисией.

– Ты – городская знаменитость? – тихо спросила она. – Хотя дорогие куртизанки всегда были известными личностями.

– Если индюк начнет посещать светские мероприятия, и его все будут узнавать! – Таисия тряхнула серебристыми волосами и рассмеялась. – Шевелись быстрее, – она потрясла ключами от машины. – Я жутко устала и хочу домой. За дедом ехать не придется. Он сказал, чтобы мы не беспокоились о нем и веселились.

Случайно или намеренно толкнув идущую впереди нее даму, спутницу мужчины, недавно досаждавшего своим вниманием Ирине, Тая прошла к двери и при этом бросила на девушку такой взгляд, от которого та просто остолбенела. Мужчина усмехнулся и погладил обиженную подругу по спине. Ирине стало стыдно, но это никак не отразилось на ее лице. Отвечать за поступки Таисии, тем более перед незнакомцами, она не собиралась.

Таисия завела машину, но не спешила трогаться с места. Она уставилась на Mercedes, стоящий рядом с ее Porsche.

– Хочу этого зверя, – сказала она. – В Москве таких только два. Мой будет третьим! – уверенно добавила она.

Ирина увидела, что к предмету желаний Таисии подходит светловолосый незнакомец из кафе.

– Лошадь, – хмыкнула Таисия, указав подбородком на девушку, с победоносным видом садившуюся в машину. – Такими тачками нужно владеть, а не писать от счастья на пассажирское сиденье! – И она резко рванула с места, нагло подрезав выезжавший с парковки Mercedes.

По дороге Таисия ни на минуту не замолкала. Она по минутам расписала весь прошедший день, рассказала о похоронах, о том, во сколько ей обошлась траурная шляпка и что Каманин все-таки заметил присутствие Ирины на кладбище.

– Скотина такая, – резюмировала она. – Представляешь, спросил у меня, где ты остановилась! Я его послала куда надо и сказала, что сегодняшней вечер ты проведешь со мной.

– Зачем же посылала, если все равно ответила на его вопрос? – улыбнулась Ирина.

– По привычке. Язык сам произносит это матерное выражение, стоит только нам встретиться. Но ты даже не можешь себе представить, как у меня поднимается настроение, когда я отправляю Каманина на двадцать первый палец!

От смеха Таисия наклонилась вперед и на миг прижалась лбом к коленкам, чуть не выпустив руль.

– Двадцать первый палец?.. – переспросила Ирина.

– В народе – обычный пенис! Точное определение местожительства, которое и должно значиться в паспорте у нашего дорогого Димочки.

Таисия свернула с главной дороги. Через три минуты машина остановилась у ворот кованого забора, огораживающего высокое здание. Предъявив пропуск охране, Тая проехала к подземному паркингу, предназначенному для владельцев квартир этой элитной многоэтажки. На скоростном лифте они поднялись на последний этаж. Таисия пропустила Ирину вперед.

– Ну, как тебе моя обитель? – спросила она, включив свет.

– Хорошая квартира, – ответила Ирина, оглядевшись.

– Хорошая?! – возмутилась Таисия. – Ты знаешь, сколько сюда денег вложено? Не представляешь, как тяжело мне пришлось...

– Избавь меня от подробностей, алчная девица!

Таисия прошла по студийной зоне:

– Три спальни. Джакузи. Зимний сад. Красота! А ты говоришь – «хорошая». Она не просто хорошая, она – восхитительная!

Ирина подошла к окну и посмотрела вниз.

– Красиво, – вздохнула она. – Удивляюсь, откуда у тебя столько денег?

Таисия прошла к бару:

– От верблюда. Что пить будем? Что-нибудь крепкое или вкусное?

– Крепкое, – сказала Ирина, сбросила туфли и легла на диван. – Благодарь! Я с Людмилой поссорила.

– Когда ты уже успела с этой ведьмой встретиться? – Таисия, удивившись, остановилась перед холодильником, забыв, зачем она его открыла.

– Она к деду приезжала. Выпивши была. Потом Артур забрал ее домой.

– И Бурмистрова видела? – Таисия уже выкладывала фрукты на стол. – День свиданий какой-то! Он сегодня на кладбище был. Красавчик! Фигуристый, разодетый в пух и прах. Не обижайся, но мне непонятно, почему он живет с твоей матерью? Думаю, этот вопрос не только меня мучает, но и половину города, в особенности самок, готовых на все, чтобы вскочить на бурмистровский... Сама понимаешь, на что именно.

Ирина пожала плечами:

– Ничего в нем красивого не вижу. Обычный дядька, которому скоро исполнится пятьдесят.

– О! – протянула Таисия. – Ты ошибаешься. Бурмистров весьма хорош собой. Ухоженный, спортивный. Мой папочка в его возрасте на старую развалюху был похож.

– Дед как-то сказал, что Артур любил мою мать еще со школы. Они учились в одном классе.

– Меня бы кто-нибудь так любил!

– Я тебя умоляю, – отмахнулась Ирина. – И тебя любят, раз такие квартиры дарят.

– Любят спать со мной. – Таисия подала Ирине стаканы и бутылку виски, потом перенесла на столик перед диваном тарелки с закусками и фруктами. – А жить предпочитают со своими женами. Наливай ты, а то у меня рука тяжелая.

– Твой любовник женат? – Ирина разлила виски по стаканам. – И тебе не стыдно?

– Стыдно?! В моем лексиконе нет такого слова. – Таисия отсалютовала Ирине и выпила содержимое своего стакана залпом. – Еще! – показала она глазами на бутылку. – Иначе каждый

раз, когда я пойду в туалет, мне придется краснеть перед своим унитазом – за то, что он не только мою голую задницу видит, но и...

– Стоп! Я все поняла. – Ирина протестующе подняла руку вверх. – И все же это гадко. Как можно спать с мужчиной, который принадлежит другой женщине?

– Любить мужчину, который женат, сложно. И больно.

– Ты его любишь? – Ирина погладила подругу по коленке.

– Котенок, я не сплю с теми, кого не люблю, – горько улыбнулась Таисия. – Не нужно так уж плохо обо мне думать. Давай лучше пить. Что-то сегодня мое настроение ни на что не годится, – она подняла стакан. – За мужчин, которых мы любим!

– Я не люблю мужчин. Только деда, но он уже не мужчина.

– Сделаю вид, что верю тебе. – Таисия потрепала Ирину по щеке. – Но глаза у тебя огнем горели, когда я о Каманине говорила. А что касается нашего деда, то, думаю, он еще какому-нибудь студенту-первокурснику фору даст!

* * *

Утром Ирина едва разлепила веки. Голова чудовищно болела, во рту все пересохло. Она поднялась с дивана, на котором уснула, когда они с Таисией опустошили очередную бутылку, потеряла виски и застонала. Почему каждый раз, когда они с Таисией пьют вдвоем, она потом всегда чувствует себя так, будто по ней танк проехал? Все тело ноет и болит, тошнота подкапывает к горлу, и хочется умереть. Ирина прошла к холодильнику, достала пакет с апельсиновым соком и с жадностью напилась. Затем вернулась на диван, натянула на голову плед и заснула. Проснулась оттого, что кто-то тряс ее за плечо.

– Ира, просыпайся, – шептала Таисия. – Я тебе супец привезла и еще кое-что.

– Что? – прохрипела Ирина, стянув с себя одеяло. – Фу! Чем от тебя пахнет?!

– Мужчиной. – Таисия принесла ей тарелку и ложку.

– Ты уже успела встретиться со своим любовником?

– Как видишь. Правда, пришлось изрядно постараться, чтобы на моем лице не были заметны следы сегодняшней ночи. Да, охрана передала мне цветы. Я думала, это для меня, поэтому прочла карточку. Тебе, от Каманина, – добавила она со странным блеском в глазах.

Ирина посмотрела на белые розы, лежавшие у Таисии на коленях, поднялась с дивана и направилась к двери.

– Ты куда?

– Домой, в Брайтон, – ответила Ирина. – Нужно к деду заехать, попрощаться. Больше я сюда не вернусь. Никогда!

Таисия отложила цветы в сторону:

– Я с тобой.

– К деду?

– В Брайтон. Я до следующего четверга абсолютно свободна.

Ирина кивнула и пошатнулась.

– Брайтон подождет до завтра, если я не умру к тому времени, – сказала она, вернувшись на диван.

– Дорогая, – Таисия взяла одну розу из букета и провела лепестками по лицу Ирины, – ты так и не сказала, для чего приезжала? Чтобы со мной на пару напиться?

– Не только, – махнула рукой Ирина, отводя щекодавший кожу цветок в сторону. – Кстати, почему ты так хорошо себя чувствуешь? Как будто и не пила.

– Практика большая. В записке Каманин просит, чтобы ты позвонила ему. Как поступишь?

– Не знаю.

– Тогда за тебя решу я.

Таисия взяла букет и, подойдя к урне, с такой яростью затолкала его внутрь, будто это был сам Каманин. Потом она порвала записку с номером телефона и вернулась к Ирине.

– Ты злая, – сказала Ирина, с горечью косясь на урну, где упокоились розы.

– Разве? Никогда не считала себя такой.

– Злая, – прошептала Ирина и закрыла глаза.

Таисия подождала, когда дыхание подруги выровняется, достала из сумочки сигареты, закурила и подошла к зеркалу. Тонкой струйкой выпуская изо рта дым, она смотрела на себя и размышляла над словами Ирины. Нет, подруга ошиблась. Она не злая, а циничная. Люди часто путают эти понятия, считая их синонимами, хотя они не имеют между собой ничего общего. Злость – это раздражение, недовольство, враждебность. Цинизм же – особая, тонкая философия, результат жизненного опыта, сопряженного с душевными травмами, о которых никому не хочется рассказывать. Это панцирь, маскирующий беспросветную грусть и одиночество. Именно отсюда и берется жесткость, которую часто принимают за злобность.

Таисия подумала о том, что таким женщинам, как Ирина, легко быть мягкими и нежными. Они никогда не сталкиваются с жизненными трудностями. Им неизвестно, какими сложными бывают финансовые проблемы, да и душевные передрапки с ними редко случаются. Так, иногда тряхнет из-за любовной лихорадки, не более того. Жизнь Таисии была другой. Не такой ровной, надежной и обеспеченной, как у Ирины. Она и превратила Таю в циника. Таисия игриво улыбнулась своему отражению. «Очень красивый циник», – промелькнуло в ее глазах, с интересом рассматривающих тонкую фигуру необычайно привлекательной женщины, стоявшей перед зеркалом с дымящейся сигаретой в руке.

Родители Таисии эмигрировали из России вскоре после распада Союза. Перспективные врачи у себя на родине, в новом мире они оказались никому не нужны. Но если мама быстро сориентировалась, в кратчайшие сроки выучила чужой язык и стала энергично пробивать дорогу в жизни, то отцу так и не удалось перестроиться. Не имея возможности заниматься медицинской практикой, он быстро превратился в домохозяйку, на которой лежала ответственность по воспитанию Таисии и ее двух младших братьев. По вечерам он заливал свою профессиональную непригодность дешевыми горячительными напитками, а по утрам, мучаясь от похмелья, отвозил детей в школу и занимался домашними делами. Он не был раздражительным, никогда не устраивал скандалов и все тяготы жизни принимал безропотно, с непонятным для Таисии безразличием. Типичный тихий пьяница, на которого было трудно смотреть без жалости, он вызывал массу противоречивых чувств у своих детей: братья обожали мягкого и доброго отца, Таисия же, наоборот, стеснялась его. Временами, наблюдая за тем, как он терпеливо готовит ужин в кухне, она чувствовала, что в ней вскипает гнев – такой силы, что она готова была вырвать из его рук половник и молотить им отца по спине до тех пор, пока он, бездыханный, не упадет на пол. Ей было противно ощущать себя дочерью столь безынициативного и потерявшегося человека, но еще противнее – смотреть на себя в зеркало и видеть там точную копию того, кого она так жестоко презирала. Угловатая девочка с огромным носом и жидкими серыми волосами – такой она была в свои тринадцать. Сейчас, когда ей было уже двадцать семь, Таисия иногда со страхом всматривалась в свое отражение, боясь обнаружить того, прежнего, закомплексованного подростка, ту девочку, какой она когда-то была. Но если внешность ее претерпела кардинальные изменения, то страх превратиться в человека, повторяющего судьбу отца, продолжал терзать ее, заставляя Таисию доказывать себе и окружающим, что она представляет собой особую ценность. И ценность эта выражалась в качестве жизни, вернее, в ее стоимости. Таисия была дорогой женщиной, с маниакальной алчностью окружавшей себя не менее дорогими игрушками, предназначенными для того, чтобы скрыть ту лишенную подарков жизнь, которую она пыталась забыть. Она боялась говорить о своем детстве, но не потому, что оно было слишком траурным и суровым, напротив, в нем было много смеха и

веселья. И все же, отличаясь безмерным снобизмом, Таисия не любила вспоминать свое прошлое: она смущалась той простоты, в которой выросла, стыдилась родителей и того, как именно она добилась нынешнего положения в обществе.

В детстве Таисия редко видела маму – она все время отдавала работе, стремясь обеспечить достойную жизнь своей большой семье. Трудно быть единственным кормильцем, обеспечивая нужды трех быстро растущих подростков, и к тому же удерживать на плаву мужа. Впрочем, мама Таи ни разу не упрекнула свою вторую половинку за бесхребетность и «нереализованность». Ведь это по ее инициативе они покинули развалившуюся страну, решив покорить Запад. Вершина не поддалась, но если один хотя бы пытался идти в гору, то второй так и стоял у подножия, растерянно оглядываясь по сторонам.

Жизнь стала намного ярче, когда со стороны пришла помощь. Брат отца, оставшийся в России, сумел выстроить свой – небольшой, но доходный – бизнес. Связи с родственниками он не потерял и, зная об их финансовых трудностях, предложил оплатить обучение племянников в приличном заведении. Выбор пал на известную частную школу, которая сулила высокий уровень знаний и гарантировала своим выпускникам поступление в хороший университет. Деньги, предложенные дядей, предоставляли подобную возможность его племянникам. Так Таисии Каманиной, дочери ничем не проявивших себя эмигрантов, повезло – она училась в школе с детьми очень состоятельных родителей, членов королевских семей, внуками арабских шейхов, будущими премьер-министрами, президентами банков и корпораций, знаменитыми юристами и докторами.

Годы учебы были сложными, но не из-за огромного количества предметов, строжайшей дисциплины и расписанного по минутам дня, а из-за насмешек, чванства и хвастовства всех этих юных аристократов и буржуа. Утверждалось, что в известных школах спесь с учеников немедленно сбивается, однако на деле все было иначе. Наследники семей с миллионными состояниями, конечно же, открывали дверь перед старшими, изысканно изъяснялись и в конце каждой фразы прибавляли уважительное «сэ-эр», однако на этом проявление вежливости с их стороны заканчивалось. Суровость условий проживания не отбивала у учеников желания покичиться деньгами родителей и их социальными достижениями. К этому добавлялись: безграничная любовь к самим себе, высокомерное пренебрежение ко всем остальным и, как следствие, унижение тех, кто считался недостойными их высокого внимания. Элита мира отличается завидным постоянством в нравах. Ни возраст, ни гендерные различия не имеют значения: либо ты в элите, либо – нет. Если нет – извини, братец, тебе не повезло. А раз так, не обижайся, получая тумаки в спину и плевки в лицо от сильнейших мира сего. Как только Таисия появилась среди благородных господ, она сразу же увидела глубину этой пропасти, разделявшей их. Причиной этому было ее низкое происхождение и ко всему прочему внешняя непривлекательность. «Страшная, как ночь», – шептались за ее спиной, что причиняло девочке ни с чем не сравнимую боль и вызывало у нее желание навсегда исчезнуть из этого недоброго и насмешливого мира.

По окончании учебы Таисия приняла решение вернуться в Москву, где, блестяще выдержав экзамены, поступила в МГУ. Она всегда была непоследовательной в поведении. Сказав одно, она могла поступить абсолютно по-другому, а затем доказывать, что именно это и планировала сделать. Так, желая с детства стать юристом, Таисия выбрала факультет иностранных языков, а потом утверждала, что лингвистика влекла ее всегда, а мечты о блестящей карьере адвоката были навеяны яркими образами героев из книг и фильмов. Ирину подобная нелогичность приводила в исступление. Подруга не терпела подобной неорганизованности, в ее жизни все было взято под контроль, даже мелочи Ириной тщательно продумывались и планировались. Именно благодаря своей рациональности и методичности Ирина и получила должность руководителя экономического отдела в крупном банке Лондона. Работа была для Ирины смыслом жизни, она занимала все ее свободное время, не давая возможности отвлекаться на

что-либо другое. Зато Таисия не теряла ни единой драгоценной минуты своей жизни, полностью поглощенная удовольствиями, устраиваемыми только для себя, любимой. У нее не было хобби, увлечений, работы. Все, что ее интересовало, была она сама. Остальное отметалось, как ненужный мусор, отвлекающий ее от главного – от Таисии Рихтер.

Еще в университете она познакомилась со своим будущим мужем и стала госпожой Рихтер, что казалось многим весьма удивительным событием, учитывая ее непримечательную внешность. Впрочем, и ее супруг, Стефан, не отличался особой красотой. Этого рыжего толстого австрийца Таисия покорила в первую очередь живостью своего характера и веселым нравом. Обладая немаленьким состоянием, он мог выбрать в качестве близкой подруги любую красотку, однако отдал свое сердце Таисии, которая быстро поняла, какой шанс приплыл ей в руки, и немедленно им воспользовалась. Свою истинную натуру она тщательно от мужа скрывала. Стефану демонстрировались лишь высокий уровень ее интеллекта, любознательность, мягкость и легкость в общении. Замужем она была недолго, ровно столько, сколько понадобилось на усовершенствование черт лица и придание соблазнительных форм фигуре. Превратившись за два года из серой мышки в яркую бабочку, Таисия без сожаления покинула мужа.

Подобное равнодушие заставило Ирину резко высказаться в ее адрес. До этого она весьма лояльно оценивала поведение подруги.

– Подлая гадина, – расвирепела тогда Ирина, жалея буквально убитого известием о разводе Стефана. – Разве можно так жестоко вести себя с людьми?! Ты его использовала и выбросила! Почувствовала себя красавицей, а в душе так и осталась свиньей – с оттопыренными ушами и огромным пятком!

Члены семьи Стефана оказались далеко не такими глупыми, как сам Стефан, и после развода Таисия, мечтавшая о хороших отступных, получила лишь дом в Праге и какую-то мелочь, закончившуюся через несколько месяцев. Позже она горько плакала, обнимая Ирины колени, жалуясь на несправедливость жизни и жадность бывших мужей, а Ирина, забывшая о своем недавнем возмущении, утешала подругу и соглашалась с ней. Тем же летом Таисия официально получила статус свободной женщины, а уже осенью наслаждалась обожанием своего нового богатого поклонника. Этот джентльмен, имени которого никто не запомнил, в том числе и сама Таисия, значился номером один в длинной очереди меценатов, как называла любовников Таисии Ирина. Они отличались друг от друга лишь размерами состояний. Причем каждый последующий непременно был старше и богаче предыдущего.

– Не всем посчастливилось иметь состоятельного отчима, – оправдывала Таисия свое стремление к богатой жизни. – Да и в мужья редко кому-то удастся заполучить крупную добычу. Но я не унываю, а пока что просто пребываю в той роли, в которой мне очень комфортно.

– Быть на содержании нынче считается достойным? – высокомерно спрашивала Ирина. – Между прочим, Артур не имеет никакого отношения к моему финансовому положению. Я сама себя обеспечиваю.

– И я, – отвечала ей в тон Таисия.

– Для чего же ты получила такое хорошее образование? Впустую? Работать по специальности не пробовала?

– Так я и работаю по специальности! – с деланным возмущением округляла глаза Таисия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.